

FERRŌNUM.

ИВАН ПРОНИН

18+

Иван Пронин

Ferroum

«Автор»

2026

Пронин И.

Ferronum / И. Пронин — «Автор», 2026

В недалёком будущем, где люди скитаются в вечных попытках найти себя, Марк и Нидж считаются настоящими счастливицами. Созданные правительством и используемые для грязной работы, они не тратят время на поиск своего места в жизни. Ведь оно – место – давно найдено за них: люди в галстуках нашли его задолго до их появления. Но стабильная жизнь уходит, когда один из них становится частью игры не правительственного, а божественного масштаба...

© Пронин И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Сон	5
Часть 1. Флегматик	6
1	7
2	9
3	12
4	16
5	19
6	23
7	28
8	31
Часть 2. Холерик	35
9	36
10	41
11	43
12	46
13	49
14	52

Иван Пронин

Ferronum

Пролог. Сон

Я шагаю в неизвестность. Двигаюсь по пушистым облакам, но уже через секунду мои ноги спотыкаются о неровную скалистую поверхность и чувствуют жжение – и этот цикл повторяется, изредка прерываясь на пребывание в пограничном мире, где меня обжигает токсичный дождь. Я чувствую, как душу мою бросает от одного к другому, не давая даже шанса на стабильность. То, что принято называть Раем, сменяется облитой кровью табличкой. Потёки крови капают к моим ногам, а то, что осталось на табличке, вырисовывают уведомление о прибытии в Ад. Я хочу потереть рукавом потный лоб, согретый пышными кудрями, но скоро понимаю, что натираю гладкую потную голову, на которой брови – единственная растительность. Кудрей у меня никогда не было и не будет. Щёки мои иногда вздуваются, а нос кривится. Кубики пресса порой сплываются в один жировой пузырь. Английский говор, незаметно для меня самого, становится выразительным и пафосным японским. И так я проговариваю своё негодование ещё на нескольких языках.

Скоро движения мои сковываются, а кожа, мышцы и появившейся в мгновение жир осыпаются, как старая штукатурка, и сторают в адском пекле. Ощупав себя, я понимаю, что под моей кожей был толстый металл. Стёкшее глазное яблоко оказалось оболочкой для стеклянного шарика, при помощи которого я мог узреть происходящее. Со вторым глазом происходит то же. Виски и уши всё это время болели потому, что прямо из-под кожи прорезались антенны, и теперь уже они являются моими ушами.

Когда я появлялся у райских ворот вновь, я видел девушку, сидящую на облаках в полном одиночестве. Её волосы неаккуратно стрижены до плеч, а где-то даже клочками ободраны. В остальном, была она очень красива, но лишь до тех пор, пока не увидела меня. Но даже так, я не прекращал её любить. Даже когда она обзавелась двумя парами рук, до глубины души меня напугавшими, и пожелтела, я пытался приблизиться к ней, зачем-то попросить прощения и поцеловать – но она отвергла меня, отступив назад.

– Лисс, подожди! – вскрикиваю я, даже не помня, откуда знаю её имя. Но уже было поздно.

Она вновь отошла, взвыла, и небеса, на которых она восседала, даровали ей лук со стрелами, трезубец и ракушку. Орудия она, вероятно, использовала лишь для того, чтобы спугнуть меня. Но благодаря ракушке, чёртовой ракушке она оставила меня в одиночестве. Она прислонила её к уху и до боли знакомым голосом, который я впредь не забуду никогда, произнесла:

– Алло? – голос её был, с виду, мягок, но это был обман, причём, нарочито очевидный и оттого самый унижительный; акт насмешки над мужчинами, которых в женщине чарует только податливость.

Стоило ей отвергнуть меня и одним словом донести обо мне тому, кто был по ту сторону ракушки, я рухнул в цикл нескончаемых смертей, начав с горения заживо. Проснувшись, я ещё целую минуту помнил, как грелся металл, что стал моей новой кожей.

Часть 1. Флегматик

1

«Сегодня в выпуске – о свободе, которая стала дороже жизни, и о тех, кто обещает её даром. За последнюю неделю, мало кто не слышал о «Детях воды». Красиво звучит, правда? Практически поэтично, – для кого-то весьма эффектно, а для кого-то попросту нелепо язвил ведущий Зирон. – Но не спешите! За благородным названием кроется самая быстро растущая и, при этом, самая скрытная...» – за рулём хихикнули, и магнитола переключилась на песню.

Миниатюрный электромобиль, с каждой стороны зажатый цепочкой машин, простаивал на одном месте так долго, что уже и перестал бухтеть: попросту сам вырубился. Удивительное явление: летающие автомобили давно изобрели, а от пробок не избавились. Владельцы округлой таратайки сидели на обшарпанных сидениях и пытались вернуть кондиционер к жизни – бесполезно. Девушка за рулём – её звали Нидж, – благодарно мыкнула, кивнув владельцу соседней машины, и засунула голову обратно в салон уже с подпалённой сигаретой. Потом ещё раз постучала по кондиционеру, убедившись, что работать он не собирается, и устремила голову кверху. Магнитола прогоняла тот же набор песен, что и каждый день: Нидж подолгу не обновляла плейлист, заиклившись на устоявшемся наборе. В какой-то момент, когда песни стали проноситься незаметно для неё самой, а солнце высушило мозг до состояния сухофрукта, ей стало казаться, что всё здесь происходящее – просто идеально описывает её жизнь. Застой и полное отсутствие перемен, как застывшая во времени магистраль и как неизменяемый плейлист.

– Ты знаешь, о чём подумала, – перебивая те немногие мысли, что выдавал иногда сухофрукт, сказала Нидж своему напарнику, – а эта машина жутко похожа на тебя, – и стала грубо водить ключ-картой по сканеру, пока машина не заведётся. Сенсорный экран заморгал красным светом с предупреждением о низком заряде.

– Железная? – спросил напарник.

– Да.

Нидж слегка сторбилась, склонив голову к рулю, и дунула табачным дымом. Салон накрыло древесным запахом с вишнёвым привкусом и роем пылинок. В такт музыке потрескивал сзади загруженный багажник.

– «MARK», – прочитала Нидж слово на руле. – Просто «Марк». Тебе подходит это имя.

– И тебе оно нравится? – спросил напарник.

– Нет.

Нидж вдохнула воздуха, как бы с намёком на развитие мысли, но, как оказывается, просто подула в окно холодным запахом вишнёвого табака.

Пробка стала рассасываться, металлическое стадо двинулось. Нидж шлёпнула по кнопке автопилота, и тогда по салону пробежал голубоватый блик и по-джентельменски прозвучала фраза: «Здравствуйте, я – Кали! Ваш верный путеводитель. Могу я узнать, куда мы едем?» Нидж, не отрывая взгляда от напарника, приказала голосовому помощнику установить маршрут на ближайшую заправку. «Принято», – сказал ванильный голос, и полуразряженная легковушка поволочилась по забитой дороге.

– А чем ещё эта машина похожа на меня? – спросил Марк.

– У неё фары горят красным в ночи, когда заряда мало остаётся. Тебе нужно что-то ещё?

Нидж была абсолютно прямолинейна, и железо и красные фары, перечисленные ей – не метафора и не ленивое сравнение. Перед ней – произведение искусства; существо с человеческой внутренностью и металлической оболочкой, которое не назвать ни роботом (за счёт человеческого сознания), ни человеком (за счёт внешнего вида). Киборгом тоже не назвать. Это слово осталось в прошлом, с тех самых пор, как общественная палата признала его неполиткорректным. Иными словами, слово это, по мнению активистов, ущемляло права как роботов,

так и людей. Но даже в прогрессивном настоящем, давно обогнавшем все мыслимые и немыслимые вариации будущего, не придумали достаточно гуманного слова, описывающего такое существо, как Марк.

На всех дешёвых заправках туалеты схожи с камерой пыток, и не спасут ситуацию никакие голограммы, нелепо пытающиеся замазать исписанную голую стену образом кафельной плитки, а полуразбитое зеркало – целым. Даже сам Марк знал, что в таком зеркале его внешность несуразна, но свет продолжает пытаться подстроиться. Программный код, управляющий каждым унитазом в туалетной комнате, считывает его не тем, чем он является на самом деле, а просто некрасивым человеком. Но пытается подстроиться, до сих пор. Со всей своей властью, компьютеры по-прежнему бестактны, и в какой-то момент зеркало сделало так, чтобы экспозиция устремилась к «минимуму», а контраст – напротив. Стало темно. «Это что, получается, меня вообще лучше не видеть?»

Марк взглянул в остатки отражения, и его охватила лютейшая хандра. Она нападает нечасто, но всегда исподтишка. И пусть даже металлическое лицо не способно передать эмоций, он точно знает, что существо на той стороне явно собой недоволено. Существо с человеческим сознанием, закованное в металлическую оболочку. Самой популярной и заметной частью этого существа были толстые антенны на висках, заменяющие уши. То были не те антенны, что глупо виляют от малейшего ветра, а такие, что ими, при большом желании, можно было и убить, пронзив насквозь. От подбородка до кончика носа (который, как и губы под ним, был лишь декорацией) была та часть лица, что отделялась неким треугольником, как разрез на маске. Что бездыханный нос, что безмолвные губы ничего, по сути своей, и не скрывали, как многие думают, а были простым, но приятным дополнением, как горшечное растение в комнате с голыми стенами.

Снаружи постучалась Нидж косточкой указательного пальца, прикрикнув что-то язвительное. Остатки чувства одиночества, рассеянного ещё после того, как Марк узнал, что туалет оснащён искусственным интеллектом, окончательно растворились.

Когда дверь открылась, компьютер подстроился под Нидж, не обделённую природной красотой, и наполнил комнату светом. Она проскочила мимо и, попросив разобраться с «непослушным багажником», заперлась в кабинке. Система распознала, что снаружи находится кто-то ещё, и сделала всё пространство, кроме одной только кабинки, полностью звукоизолированным.

На улице Марк походил вокруг машины, потоптал ногой на месте и постучал по багажнику. Тот дребезжать перестал на какое-то время, но, когда Марк встал столбом в ожидании напарницы, изнутри снова забарабанило с неистовой силой, какой раньше не было. Марк шикнул и сложил руки на крышку багажника, повертев головой. Нидж вернулась, и в багажнике начался вопль. Она жестом попросила Марка сдвинуться и, проверив улицу на отсутствие свидетелей, открыла багажник.

2

Забегаловка под стеклянной крышей, что держится на клетчатом каркасе, практически прилипала к заправочным колоннам, и оттого даже до них доносилась эта смесь ароматов табака и дешёвых хот-догов. Так приглядеться, и то, что поверх сосиски на хот-дого казалось обжаренным луком, оказывалось крошками табака, свалившегося в тот момент, когда шеф-повар Кожаный Пол встряхивал головой с сигаретой во рту перед тем, как подпалить её кончик. Делал он это для того, чтобы волосы перестали лезть в глаза во время готовки, и скорее всего, волосы эти на хот-доги тоже попадали. В перерывах от жарки сосисок он чесал шею, растирая до крови трезубчатое клеймо, и пускал слюни, когда смотрел на Нидж через окошко.

– С огнём играешь, когда так глазеешь, – незаметно подкрался на механических паучьих лапах его коллега, Тарантул Мэл, и перевернул шипящую сосиску. – Знаешь, кто она?

– Не-а, – отмахнулся Пол, – но уже готов весь мир к её ногам положить.

– Да она сама кого хочешь положит! И даже не к своим ногам, а к ногам мира. Она ж, это самое... – Мэл прижался к уху Пола и прошептал: – «дозорная».

Природа наделила Нидж внешностью ангела, но собственными же усилиями она до того срезала ему крылья, что женственность перестала бросаться в глаза, но магическим образом проявлялась вопреки всему остальному. Нидж не находила ничего симпатичного, например, в своих высоких скулах, и их очерченностью она не гордилась, а сравнивала с ямой посреди дороги. Тонкий и прямой нос с едва заметной горбинкой называла уродским. Ещё она, сама неспособная объяснить себе причины, ненавидела свои губы средней припухлости и, на какую фотографию ни глянь, везде пыталась их дуть. Глаза свои она считала совершенно обычными, длинные тонкие ресницы и изящно изогнутые брови – наверное, единственное, что она в себе любила, но лишь потому, что отказывалась верить в существование *некрасивых глаз*. Когда-то её фигура полностью соответствовала девичьему, *даже чересчур девичьему* лицу, настолько, что силе, надменности и хоть какой-то грубости места не находилось – и это пришлось воссоздавать самой. Тогда она вставила себе несколько имплантов для лишней пары десятков сантиметров и раскачала спину на зависть многим мужчинам. Однажды, поменялись волосы, став кроваво-красными. Ещё позднее появилось крохотное серебряное колечко, облегающее нижнюю губу. И даже так, от своей сути она не избавилась.

Тарантул глянул на шею Пола, изучил каждую из трёх полос клейма, как отдельное произведение, и похлопал ему по плечу, с недвусмысленным намёком оставив на нём клетчатую бандану.

– Ты аккуратнее, – сказал он и уполз под нахмуренным взглядом Пола.

Пол вздохнул и глянул на Нидж уже без прежней любви. Кожаный сдёрнул бандану с плеча и тут же завязал вокруг шеи. Соорудив хот-дог, он плюнул в него, отдал поднос официанту и ударил по кнопке на колокольчике.

– Меня не покидает ощущение, что мне плюнули в хот-дог, – возмущалась Нидж по пути до машины и принюхивалась к пакету с содержимым. – Ещё и табаком несёт. Чем они занимаются там?

– Я бы и сам не отказался тебе в хот-дог плюнуть, – сказал Марк ей в спину.

– О нет, Второе восстание машин! – Нидж схватилась за голову. – Роботы научились шутить!

Когда остановились у багажника, они традиционно помялись и прошли туда-обратно несколько маршировочных шагов, а закончив, потопали по асфальту на месте и осмелились открыть. Тут же вывалилась наружу голова толстого парня неприятной наружности, стала много-много дышать, а после завопила во всю заплывшую жиром глотку:

– Я не сектант! Не сектант!

Нидж ногой затолкнула его обратно, а он от боли вцепился в кромку футболки и натянул её книзу до того, что оголил ключицы; на тех было бледное клеймо из трёх зубьев.

– Сектант?! Помилуй! Ну, какой же я сектант, милочка?! Разве похож я?! Да, я видом жалок, очень жалок, но...

Говорят, отличить типичного сектанта от простолюдина не сложно. Поколение тому назад сектанты подхватили моду на витиеватую речь, но и огрызки современности не упустили. Как итог, в понимании лингвистов, сектанты считаются людьми, застрявшими во времени. До настоящего момента, сектант говорил очень, очень старомодно, но иногда мешал это всё с современщиной, словно от белоснежного бумажного листа (ныне популярного лишь в пафосных метафорах, вроде этой) оторвали клочок, скомкали и запихали собеседнику в уши, пока тот отходит от пафосного начала. Короче говоря, у человека, хоть сколечко думающего, сектанский лексикон будоражил не стремление к эстетичному и прекрасному, а лишь нервы от ощущения, что тебя где-то надурили. Одурманили видом элегантного платья, но пустили под него крысу.

И тут он собирался продолжить изливать ту бескрайнюю человеческую душу, о которой лихо говорил до этого, но Нидж перебила:

– А кто ты? Ходишь, заманиваешь людей дешёвыми фокусами и обещаешь... э-э-э...

– ...достижения Оазиса, – добавил Марк.

– Да! И это только то, что мы видели, – тут она с неохотного толкования сменилась на издевательское сюсюканье, защекотала его нос указательным пальцем и помяла пухлые щёки. – И ты, мой пирожочек, просто представить не можешь, как нам свезло с тобой! Мы вас очень давно уже ищем, а ты, глупышка такая, своим «Оазисом» спалился, и теперь... – за эти же щёки она потянула его вглубь багажника, – ты станешь нашей маленькой крыской, – и закрыла багажник.

Салон машины задних пассажирских сидений не предусматривал, и пленнику приходилось сидеть в багажнике не от садизма Нидж (хотя от него тоже), а от банальной нехватки мест. Внутри пассажирские сидения от наполнения багажника отделяло тонированное стекло, прозревающее от той же ключ-карты. Нидж прижала её к датчику, и стекло стало медленно освещаться. Вскоре показался ноющий сектант.

– На мои вопросы отвечай громко, за стеклом тебя слабо слышно! – крикнула Нидж; Марк в это время занимался настройкой записи разговора.

Когда петличка была зафиксирована и протянута от потолка машины до самого стекла, Нидж заговорила чуть официальнее, чем обычно:

– Что находится в «Оазисе»? Дай ему конкретное определение. Можно своими словами.

– Это не какое-то место, – сказал сектант еле слышно. – Это состояние души. Человеку, достигшему Оазиса, доступна связь с Богом. А связь с Богом гарантирует всё: и деньги, и гармонию, и...

– Каким таким Богом? – зевнула Нидж, чиркнув на планшете это странное, непонятное слово – «Бог».

– Вездесущее, всемогущее существо, живущее вне пространства и времени. Тот, кому в прошлом молились тысячелетиями, но сейчас – позабыли. И Бог дал последний шанс человечеству, послав нам пророка.

– Ага-ага, – Нидж записала очередное непонятное слово, ещё более сложное в понимании. – Что за пророк?

– Пророк Посейдон. Наш Владыка, ведущий нас к истине.

«Пророк Посейдон», – отпечаталось в планшете Нидж и выделилось несколькими линиями. Нидж выключила планшет и положила его в бардачок. Заведя машину, она медленно повела её с парковки. Марк ковырялся в сектанстких вещичках (при задержании он имел при

себе крошечную сумку-банан) и, найдя паспорт, игриво шлёпнул им Нидж по щеке. Уже в плотном потоке она сбавила скорость и, хотя сама того не хотела, уступила дорогу соседней машине. Та моргнула аварийными фарами, но почему-то Нидж это не обрадовало. Щёлкнув по автопилоту, она раскрыла паспорт, миновала главную страницу и сразу перешла к месту жительства – туда и направилась. Нидж не хотела пользоваться автопилотом так часто, ведь больно жестоко он отнимал от заряда машины, поэтому выключила его сразу, как только повернулась к дороге. Она мастерски рулила одной рукой, а второй выполняла какие-то невообразимые вещи. Для начала, она сложила ногу на ногу, а паспорт положила на колено и отсканировала его каким-то угловатым устройством. Потом достала из бардачка крошечный диктофон и наговорила в него разных вещей о сектанте и его причастности к «Детям воды», а в конце добавила: «Фотографии, доказывающие причастность субъекта, ранее были приложены». Закончив запись, она нажала на кнопку, и из диктофона тут же выскочила флешка, которую Нидж вставила в угловатое устройство. По тому змейкой забегали красные огоньки, потом отгорел последний, и на телефон Нидж пришло уведомление: «Разрешение на проведение обыска квартиры по адресу ***.pdf»

За час езды машина обогнала солнце, и наступила ночь. Плевки дёрганного света от фонарных столбов провели до мегаполиса, где путь стал виднее, чем при свете дня. Неоновые огни не давали городу заснуть. Проехав под светом проекции дорожной разметки, машина на мгновение окрасилась в жёлто-белую зебру. Над высотками скапливаются стайки дронов, собираясь в единую рекламную голограмму. Эти дроны давно заменили птиц своим положением в воздухе и даже называться стали ими. Другие дроны не нашли место в стае и летают среди людей – земляки. Пока птицы развлекают людей, земляки следят. Они двигаются медленно и, по сути своей, являются совершенно безобидными. Они не откроют огонь, если лицо проходящего мимо вызовет сомнения, и не рванутся в погоню; проводят объективом камеры, с подозрительной фокусировкой, будто человек щурится в попытках разглядеть знакомое лицо, да отстанут. Земляки окружили зад машины и крутили линзами объективов, сконцентрировавшись на тонированном стекле, за которым прятался пленник.

Время от времени толстяк бился головой о стекло, а когда прекращал, приступал к какому-то стишку, который позже назвал «молитвой», когда Нидж потребовала объяснений. Это слово тоже отпечаталось в планшете.

3

Растянутая до десятков дверей этажная площадка отличалась такими низкими потолками, что моментами Марк цеплялся антеннами за проложенные там кабели, и его прямо-таки отбрасывало назад. Нидж не стеснялась курить в этом помещении, а бычок и вовсе оставила в чьём-то дверном глазке. Сектант шагал спереди и прокладывал путь со сложенными за голову руками, пока не остановился у крайней двери. С такой тоской, будто в последний раз, онглянул на лабиринт из разрисованных вентиляционных труб и начал шариться в кармане.

– А вы... – Нидж глянула в планшет и пробежалась глазами по одному из непонятных слов, – на кого мо-л-литесь? На Бога или Пророка?

– Пророку мы всецело повинемся, – ответил сектант. – Каждое его слово для нас – закон. Неважно, что он прикажет. Скажет сделать добро, мы сделаем. А зло? Оно станет для нас добром, и мы сделаем.

– Но ты осознаёшь, что делаешь зло, – вмешался Марк. – Зачем подчиняться? Если желаешь творить добро.

– У Владыки нет злых намерений. У него такое же желание творить добро, что и у меня. Если Владыка говорит делать то, что я считаю злом, значит, я чего-то не понимаю.

– И чего же ты не понимаешь? – спросил Марк, втихаря поставил диктофон на запись и шагнул с последней ступени.

Нидж в их разговоре чувствовала себя лишней и на протяжении всего процесса поиска ключей чесала затылок. От затылка она стала растирать каждый зудящий кусок кожи, а собралось таких немало. Она скинула розовую шубку, оставшись в одной майке, погладила руки и размяла бока. Легче не становилось. Ощущение чужой доминантности не давало ей покоя, но возможно, причиной внезапной чесотки была самая обычная жара, причём, очень сырая. Сектант, тем временем, отыскал ключи, сунул в скважину, повернул, и дверь сдвинулась в ту же секунду. Странно, но Нидж от этого ритуала открытия дверей – самых простых дверей – вспомнила детство.

Краешек футболки сектанта повис в воздухе на тоненьком женском пальце. Марк с Нидж застыли, не коснувшись стопой порога, а сектант окончательно отдался в объятия механических рук. Ему и самому от этих рук противно было, ведь весь его рот перекосило, пока он тёрся щекой о свою любовь. Он вжимался в неё, как в краешек одеяла во время плача, как в плюшевого мишку после ночного кошмара, как в родную мать, когда та забирает с детского сада. Силиконовые губы прямо-таки въедаются в сектанта и обсасывают его лицо. А он, когда собственные губы начинают отмирать, подставляет одну щёку, потом другую, и вскоре задирал голову, открыв шею. Сектант ощупал тонкое резиновое лицо любимой и – случайно ли или в действительности была у него такая странная мания – вдавил пластиковый глаз. А оторвавшись от неё, он с лёгкой улыбкой и закатанными глазами спросил:

– О чём ты говорил?

– Забей, – Марк переступил порог. Нидж – за ним.

Они оказались в коморке, где диван в одном углу, плита с раковиной в другом, унитаз в третьем и душевая кабина в четвёртом. Нидж, по-женски обнявшись с подружкой сектанта и дрогнув от резкого холода металла, побродила по углам и поковырялась везде, где ковыряется, лишь бы нарыть зацепок для продолжения дела, а Марк забился в том углу, где стояла плита, и разглядывал криво обклеенные по всей площади стены портреты женщин в откровенных нарядах.

– Не ревнуешь? – спросил Марк механическую женщину.

– К картинкам? – та резко удивилась и подняла глаза.

Какой же выразительной была её мимика. Совсем, как у человека. Марк разглядывал эту плавность движений натянутой до ключиц кожи. Невольно положил палец на свои искусственные губы, но не испытал ничего: ни их мягкости, ни тягучести, а лишь звук удара металла о металл проскрипел внутри головы. Это была самая настоящая женщина, а не робот: она ощущала себя женщиной и вела себя, как женщина. Хмурилась от ревности, которую отрицала, и давила лёгкую улыбку, наблюдая за любимым. Как он метался из угла в угол, пока Нидж не приказала ему сесть. И всё-таки, даже самому непредвзятому человеку видно, что эта женщина лжёт. Она не может любить его; не потому что она – робот, а потому что он – это он. Кто-то заставил её это делать, кто-то её обманул. Выходит, она здесь жертва? Марк и об этом успел подумать и даже по-родственному пожалеть беднягу, но жёлчь так и лилась с его шестерён. Он всё смотрел на неё и понять не мог, за что ненавидит. Он оглядел её пародирующее человека лицо, не обделённое эмоциями – выходит, зависть? Нет же. Посмотрев чуть ниже ключиц, Марк увидел себя в отражении её тела. И тогда он всё понял.

– Мне кажется, нас надули... – сказала Нидж, опустив голову.

– Вряд ли.

– Почему это? – голову она снова подняла.

– «Коли оказались вы во вражьей обители, не делайте его путь трудным. Ведите его к истине, к которой он стремится, и позвольте Богу вашему распоряжаться его судьбой», говорил Пророк Посейдон в «Учении о вражде».

Тут у Нидж чуть глаза из раковин не выпали. Быстро она сменила удивление на лёгкую радость и, сомкнув все пальцы и оставив только указательный с безымянным и оттопырив большой, направила кожаную пушку в висок Марку и сказала брутальным, низким голосом:

– Быстро в багажник, сектант! – и задёрнула рукой-пистолетом, приговаривая тем же тоном: – Паф! Паф!

Сектант сходил до столешницы с плитой, схватил бутылку цитрусовой настойки и наполнил до середины недавно вымытый стакан. Сектант схватил второй стакан и кивнул Нидж, протягивая бутылку. Она не шевельнулась. Сектант качнул плечами и надул губы, как бы сказав, мол: «И зря», и теперь уже наполнил свой стакан до краёв. Осушив его, он скорчился, скривился, но также резко расслабился. Язык вмиг развязался и стал молоть о детстве, ненависти к роботам и чём-то там ещё. Сектант брызгался слюной от эмоциональности своего рассказа, но, хотя сам ловил себя за этим гадким делом, остановиться не мог. Он много говорил о роботах, и в какой-то момент пассия подошла, назвала ласково и попыталась положить руку ему на колено, а сектант по ней шлёпнул, зашипев от боли, и сказал так: «Пропади с глаз моих!» Та сделала обиженное лицо и блеснула глазом, но заплакать была не в состоянии. Даже Марку, предвзятому до мозга костей и убеждённому в её всецелой искусственности, на это смотреть было невыносимо, и он опустил голову.

– Ведь вы и не знаете, что мне за жизнь пришлось ощутить... Сколько боли и страданий... Не знаете? А я вам расскажу. Я вам всё расскажу, – картавил сектант и подлил в стакан. – Моё детство закончилось там же, где перерезали пуповину. У матери забрал робот-акушер. Вот, на этого похож, – он кивнул Марку, а тот не поднял головы. – У неё с головой было плохо, это правда, но помилуйте! Отдать предпочтение железке, чем родной матери. Из плоти и крови. Что тебя выносила естественным путём и тем же родила. Разве так можно, скажите мне?! А перед смертью её, знаете, что было?! Наследство, так называемое. Я сам его хотел и поплатился. Но сам факт. Гадкие роботы бездушно фиксировали, как моя мать годами приходит в одну и ту же больницу в том же халате, в каком рожала, и спрашивает: «Простите, вы не видели моего ребёнка?» А потом показали запись этих вопросов без малейшего раскаяния, жалости! Что же вы, правда, после такого будете любить их?!

И он заплакал так горько и громко, будто действительно помнит момент своего рождения и проигрывает его вновь. Пассия подошла к нему, пригнулась и обняла, и в этот раз сектант

ответил взаимностью. Марк тупил в пол, а Нидж закрыл обзор металлический таз женщины, что чуть ли не тычется ей в лицо. Когда стало совсем неважно, Марк резко встал и сам начал обыск комнатухи. Тут в глаза его врезалась одна странная деталь. На столешнице, разделяющей раковину с плитой, была составлена едва вымытая посуда – та самая, из горы которой сектант вынул два стакана, – но раковина, как ему показалось, была досуха чиста, а поверх сетчатой накладки не скопилось ни единого объедка или крошки хлеба. Кран был не в самом хорошем состоянии, и потому с него просто не могла не капать вода после недавнего мытья.

– Нидж?

– А?

– Проведи ладонью по раковине и кончику крана.

– Зачем?

– Мне нужно знать, сух ли он.

Без лишних вопросов Нидж всё тщательно осмотрела. Поводила по всей окружности раковины и потёрла пальцем кончик крана. Она посмотрела на Марка, кивнула, показав сухую ладонь, и улыбочиво пошлёпала ему по плечу, отойдя в сторонку и дав развить свою гипотезу. Марк открыл дверцы шкафчика под раковиной и нащупал запорные вентили.

– Проверь, идёт ли вода! – крикнул Марк из-под шкафа.

– Не-а.

Марк повернул вентили в противоположном направлении.

– А сейчас?!

– Стой! – крикнул сектант, и вода побежала.

Вода очень медленно уходила. Марк сдёрнул накладку и уступил Нидж место. Её тоненькая рука пролезла внутрь и, запачкавшись в сырых объедках (от самого ощущения этого Нидж чуть не вырвало), отыскала что-то вытянутое и мягкое, но такое же сырое и противное. Подцепив ногтем, она потянула наверх, но находка ускользала. Тогда она сама залезла под раковину, открутила резервуар, и всё вылилось на её руки. Она отвернулась, надула щёки и высунула язык, закрыв пальцами ноздри. Марк нагнулся и взял то, что вывалилось из трубы; это был скрученная стопка журналов и брошюр, скреплённых резинкой для волос. Марк их раскрутил, полистал и понял, что на всех этих материалах изображён один человек, или посвящены они одному человеку.

– Знаешь, кто это? – он подал склизкие журналы Нидж.

– Фу! Фу! Убери их от меня! У него спрашивай, я-то откуда знаю?! – и продолжила отмывать руку.

Не успел Марк спросить, сектант вскочил и попытался убежать то в одну сторону, но наткнулся на Нидж; то в другую, но наткнулся на Марка. И поняв, что убежать не получится, он обхватил пассию за шею и отвёл к столешнице, где лежал вымытый нож. Нидж быстро оклемалась и, едва он прижал лезвие к коже женщины, побежала к дивану, где лежала шубка, и дёрнула пистолет из её внутреннего кармана. Дуло наметилось на голову, а сектант прятался и метался от одного плеча к пассии до другого, и прыгал он так, пока не совершил первый надрез на силиконовой щёчке. Пассия, к удивлению Марка, очень глубоко дышала и даже слегка подрагивала. А когда из щеки потекла голубоватая теплоносящая жидкость, крикнула от страха. А сектант её вопль перебивал:

– Что же? Неужто убьёшь меня ценой её жизни?! Я-то убью! Я бы всех роботов убивал! Всех!

– Яйца у тебя есть, на удивление, – сказала Нидж абсолютно спокойно и слегка надавила на курок; ползунок на сенсоре пистолета покатился к точке максимальной готовности, – но мозгов нет. Ты даже не спросил меня, прежде чем делать такую глупость. Я ведь тоже ненавижу роботов.

Лазерный прицел навис между глазами и нагревал лоб сектанта. Он был уверен, что сейчас умрёт; до того уверен, что насупился и начал шептать молитву. Уже другую. Не ту, что в машине. Эта гласила о достойной смерти во имя своего повелителя, и если к смерти сектант был готов, действительно, только из-за него – вовсе неважно, Бога или Пророка, – то достоинством там даже не пахло, а пахло мочой, спущенной у ботинка. Но, стоит признать, с трудом, но к смерти он был готов. И совершенно не ожидал, что скользнувший электрический заряд пробьёт насквозь глаз пассии, а сам он чудом ускользнёт, отделавшись сгоревшей мочкой уха.

Сектант рванул к выходу и закрыл за собой дверь прямо в тот момент, когда Марк с Нидж рванули за ним. Он, пыхтя, побежал по площадке, но когда наконец упёрся в дверь, будто бы позабыл от страха, как её открывать. Когда добежали напарники, он резко вспомнил и выбежал на общий балкон и на середине пути согнулся от боли в ухе. Нидж прицелилась исподтишка, и сектант поднял руки, снова захныкав. Марк поставил подсечку, а Нидж перевалила его на живот и, когда тот стал молить о пощаде и крыть лицо руками, вырубил, вдарив ногой по носу.

4

Девочка с платком на шее, игриво надувая ртом пузыри, глядела в окно гостиницы, конспектируя в свой крошечный планшетик детали окружения в текстовом виде. В том же планшете она что-то чиркала, обводила слова в круги и чёрточками помечала писульки особой важности. Девчонка сунула стилус за ухо и задумчиво погрызла ноготок указательного пальца и, положив планшет на подоконник, засмеялась от того, что весенний ветер внезапно защекотал её лицо. Тут же она пустилась в одинокий пляс по гостиничному номеру, закончив прыжком на незаправленную кровать. Она по-взрослому прижалась к изголовью, закинула ногу на ногу и раскинула руки, одной ловко схватив с тумбы запотевший бокал шампанского. Сделав глоток, она поправила шёлковый пеньюар, уж больно широкий для её тонкого тела и, будем честны, чересчур откровенный для её невеликого возраста.

А ещё, в силу того же возраста, она обладала поразительной реакцией. В одну секунду, когда датчик на двери только запищал, предвещая её открытие, девочка спрятала бокал с шампанским под кровать, скинула пеньюар, запихала под подушку и натянула мешковатую кофточку, но не успела натянуть штаны и накрылась одеялом. Дверь сдвинулась, а она едва сдёрнула с шеи платок, чтобы завязать на глаза, и поэтому уже накрыла одеялом всё тело, до самой макушки. В мире её стало темно, но сквозь некачественное полупрозрачное одеяло она различала силуэты и проблески света. Между двумя знакомыми силуэтами расположился один шар, куда ниже двух знакомых силуэтов: девочка догадалась, что это очень толстый, по всей видимости, стоящий на коленях. Тут он уже рухнул на спину от чьего-то пинка в голень, и она даже знает, от чьего именно.

– Лиза? – заговорил низким женским голосом тонкий высокий силуэт: это была Нидж. – Кто-то очень жалобно умолял подвезти до подруги, – и громко, нарочито грозно, она зашагала к кровати, – которая случайным образом живёт в этом районе, – и сдёрнула одеяло.

Девчонка зажмурилась, Нидж и вовсе вскочила, как ненормальная, и отвернулась, растопырив ладони.

– Ты что, издеваешься?! – закричала. – Мы здесь не в игрушки играем, ясно тебе?! Добавь уже пунктик в свою тупую башку, что мы тебе не няньки и...

– Прости-прости-прости... – вскочила Лиза и извинялась, пока, отвёрнутая, натягивала штаны и завязывала платок на глазах.

Марк походил по номеру, окинув девочку взглядом, когда проходил мимо кровати, и остановился, когда под его стопой захрустел кусочек стекла. Кроме одного только кусочка подставки, весь бокал был цел, и в нём тряслась пара капель. Металлическая голова повернулась со скрежетом, поглядела стёклышками на напарницу, и так Марк убедился, что Нидж, занятая другим, этого ужаса не видит.

– Заканчивала бы ты с этим и бралась уже за ум, – сказала Нидж, успокоившись, пока переваливала сопротивляющуюся тушу на живот, чтобы сковать наручниками, и крикнула от тяжести. – Вспомни, кто твой отец, – снова прокрихтела, – и то, что с нами будет, если ты продолжишь так...

Нидж повернулась к Лизе, но поняла, что та уже хлопает в две дырки, скрючившись калачиком у подоконника, в самом конце комнатки.

У Лизы был тяжёлый характер. Нидж была уверена, что её избаловали послушные и безотказные нянечки, нанятые отцом, но не скупилась и называть «чудо-ребёнком» в те моменты, когда Лиза спокойно адаптировалась во времена финансовых трудностей: под этим аргументом Нидж подразумевает те редкие случаи, когда нянчила Лизу в детстве, и та не просила у неё сахарную вату. В гремучем представлении Нидж, Лиза была сразу и морально искалеченной мученицей, и избалованной истеричкой. Лиза носила мешковатую одежду, чтобы скрыть

неидеальность своей фигуры; заплетала два пышных хвоста, чтобы спрятать торчащие уши, как у обезьянки; туго завязывала голубую повязку над носом, чтобы никто не увидел её глаза, которых она сама боится по неведомым причинам – и Нидж, из какой-то, что ли, солидарности, клевала на это несчастье, знакомое каждой женщине, и жалела.

– Так, давай без нюнь тут, – подошла Нидж и присела рядом. – Сегодня ночку тут побудешь, ладно? И завтра мы отправим тебя домой. Не надо реветь только. Сама виновата, Лиз. Сколько раз я тебе говорила, что мы не можем быть твоими друзьями? Из твоей же безопасности, поверь, – она подняла голову Лизы, коснувшись пальцем мокрого подбородка, и представила её глаза на месте пропитанной слезами тряпке.

Но Нидж не знала, что ещё добавить, а глянув на Марка, поняла, что была в этом чувстве не одинока. Марк к Лизе старался относиться нейтрально, насколько мог, зная, что его мнение – не о не ней, а обо всём, в целом – меняется слишком быстро. Его душевная организация менялась из недели в неделю (Нидж звала её "стабильно нестабильной"), и на то были свои причины. Он видел Лизу типичным подростком, когда был флегматиком, травмированной бедняжкой – меланхоликом, забавной девчонкой – сангвиником и законченной занозой в заднице – холериком. А сейчас он будто бы хочет оправдать девчонку, чего совсем не поняла Нидж, считав его неизменяемое лицо за истинную эмоцию. Он хотел защитить её, сделать так, чтобы шалость сошла ей с рук. В отличие от Нидж, он хочет простить то, что *типичный подросток* от тоски и одиночества увязался за парой неподходящих попутчиков и в их же номере напился при удобном случае, ведь это, думает Флегматик, абсолютно нормально.

Теперь, словно смутившись, он переключается на сектанта. Берёт его за воротник футболки, заставляет встать, натягивая, и прижимает к стене – и всё так быстро, что Нидж не успевает в очередной раз вздохнуть, а Лиза хлопнуть. Сказать Марку, естественно, было нечего. Толстяк продолжал корчить злостную рожу и, опережая Нидж, завизжал:

– И чего же ты смотришь на меня, киборг? Горгулья металлическая. Да, ведь правду говорил Владыка, чистейшую правду! Нет в запрограммированных глазах всей той души, наполненной в человеческом и только человеческом теле. Жалко мне вас, очень жалко...

Конечно, лицо Марка не способно отразить что-либо: ни радости, ни горя. Но на самом деле, понять, улыбается ли он в душе или тоскует, очень просто. Стоит лишь прислушаться к тому, что творится внутри его тела. Чем медленнее звучат механизмы в его, тем он грустнее. Но сейчас – внутренности Марка гудят, как турбина самолёта.

– Помнишь, ты любила *нашу игру*? – обратившись к Нидж, спросил Марк.

– Какую?

– Ты забыла? – будто бы обиделся он. – «Плохой дозорный, хороший дозорный».

– А... Ага, и что?

– Сегодня ты – «хороший дозорный», – и Марк шутливо прокашлялся. – Коллега, покажите подозреваемому то, что мы раскопали в спрятанных им журналах.

Нидж покорно и очень недовольно раскрыла журнальчик перед лицом сектанта, на той странице, где была реклама грядущего концерта группы «Резиновый коршун», подчёркнутая дата мероприятия и обведённый в кружочек прыгающий человек с микрофоном под активной пиротехникой и с поддержкой тысяч поднятых рук. От человека шла стрелочка, а от стрелочки шло слово: «Другой!»

– Что это всё значит? – холодно спросил Марк и растёр пальцы друг от друга, держа руки домиком.

– Солист группы «Резиновый коршун», но нам нужен совсем другой, – словно каясь, говорит сектант очень честно. – У этой группы часто меняются солисты.

– И что, его фотографий не нашлось?

– Он на других журналах.

– Зачем вам нужен этот человек?

– Он – предатель! – воскликнул сектант с ненавистью. – Тупой, до безумия тупой предатель! Он не понял нас и отрёкся! Словно мы собаки, язык которых не понятен человеку! Как тех же собак он нас и бросил! Наш Владыка... о, Владыка! – скулил сектант. – Вы не поверите, как он страдал. Вы поверьте, просто поверьте мне! Владыка – чудесный человек и очень жертвенный. А когда этот... этот урод ушёл, Владыка заявил, что денег на пропитание катастрофически не хватает, и мы вынуждены вместе пережить это горе и поддержать друг друга в трудную пору.

– Что за трудная пора?

– Я же говорю тебе, говорю! Денег на еду стало не хватать! Его лакей Мартин часто сообщал нам о том, что Владыка не сможет выходить в свет какое-то время, потому что страшно болен. От того, что ради каждого кусочка хлеба для нас он лишает себя собственной еды и денег!

Ёжу было понятно, что «Владыка» был простым аферистом, но Марка с Нидж поражало, до чего творческий преступник им попался. Много в мире примеров, когда творческий человек, от неприятия обществом, всю свою креативность вкладывал в разрушение человеческих жизней и сочинение ужаснейших теорий, которые позже применялись на практике. Пророк Посейдон был из числа таких людей. Чем больше Марк с Нидж погружались в этот абсурд, тем красочнее вырисовывался психологический портрет «Владыки», а там и до настоящего будет недалеко! В общем, Марк себе представил вот что: несчастный и одинокий человек, скорее всего, до сорока лет, не имеющий за всю жизнь серьёзных романтических и крепких дружеских отношений, создаёт собственную реальность в попытках убежать от настоящей; и по сути, человек этот делает всё то же самое, что все остальные люди вокруг, когда проваливаются в соцсети на выходные, но сделал это радикально, с молитвами и жертвоприношениями, с собственной философией, направленной на свободу и отказ от гаджетов – короче говоря, создал инверсию современной человеческой жизни. «Так-то, Пророк Посейдон, я вас раскусил!», воспевал Марк самому себе и вслух только гудел.

– А билетиков на концерт нет у тебя? – спросил Марк.

– В журнале найдёшь.

– Эх, скучно с тобой... – Марк растёр пальцы ещё раз и коснулся груди сектанта, и его тут же ошпарило зарядом тока. – Не получается у меня в таком состоянии быть пугающим.

– Э, э, э! – подбежала Нидж, обхватив Марка за плечи. – Так, я люблю твои перепады настроения, но давай... не при ребёнке, а?

– Ага...

Ночь для Сектанта выдалась безумной. В окружении тех, кто на представителей сомнительной шайки, неугодной властям, походят куда сильнее, чем он сам. Металлическое создание, которое смотрит на Сектанта не потому, что наблюдает, а потому что глаз сомкнуть попросту не способно. Странная девчонка, лишившая себя способности видеть мир по личным причинам. И девушка, которая, может, и выглядит самой нормальной, но куда-то уходит по ночам...

5

Впервые в жизни алкоголь для Нидж наливал мужчина, но это был не официант и не мальчик лёгкого поведения. Элегантный бокал, перенявший цвет мраморного стола, медленно наполнялся джином. Голые колени Нидж впиваются в продавленный матрас, и она с навязчивым чувством заинтересованности, любясь как девчонка, натягивала широкую мужскую футболку, старясь накрыть ей бёдра. Что странно, но уже сидя в одних трусах, пускай и прикрытых полами его футболки, Нидж не снимала носков. Ещё страннее то, что между ними не было интима, притом с виду странным это считала только Нидж. Нет, сейчас он точно подойдёт, обхватит мою шею и повалит на спину – но нет. Он подошёл, подал бокал с напитком, и они чокнулись, хотя сами не знали, за что пьют. Наверное, за знакомство...

– Извини за грубость, – начала Нидж, – но откуда у повара такая квартира?

– Я владею той забегаловкой. Отсюда и информация о всех клиентах.

– Ты это к чему? Мы ж случайно встретились.

– Думаешь?

Нидж насторожилась и, хоть и повернула к нему голову, на деле стала бегать глазами по помещению и параноидально искать всевозможные пути отступления. Она зачем-то поёрзала на бархатистом диване, который для уюта был чересчур новым, и посмотрела вверх. Её ослепила неоновая лампа в форме бублика, зафиксированная тремя канатиками, которая маятником плыла по комнате и оставляла за собой круги белого света. В выточенных из графита стенах она будто бы могла разглядеть своё искажённое отражение.

– Я шучу. Но если ты не дашь мне свой номер сегодня, знай, что я легко могу его найти.

– Я сижу у тебя дома в трусах и твоей футболке, так что вряд ли у меня есть выбор, – качнула Нидж головой и между делом завязала волосы в хвост.

– Хм-м-м... А какого выбора у тебя ещё сегодня нет? – спросил он и стал медленно подкрадываться.

– Не-е-е, этот у меня как раз есть, – улыбнулась Нидж, хотя, честно говоря, слегка огорчилась, вдавила стопу ему в грудь и, медленно разгибая ногу, возвращала дистанцию.

Пользуясь моментом, он рывком стянул носок с этой же ноги, а Нидж охнула и спрятала ногу, но после рассмеялась, сняла носок со второй ноги и бросила ему лицо. Удивительно, но, сколько бы Нидж в него не вглядывалась, ей не становилось страшнее. Даже наоборот, с каждой новой деталью, которую она в нём замечала, будь то родинка на щеке, до невозможного длинные пальцы или странная борода, окружение казалось ей всё безопаснее. У него были широкие плечи, и к огромному счастью Нидж, гораздо шире её плеч. Да и в целом, он был совсем не обделён фактурой, имея и фигуру, как у древней статуи, и лицо с глубокими ямами, и тёмными кучерявыми волосами, которые под приглушённым светом словно водянистые.

– Почему тебя называют Кожаным Полом? – спросила Нидж, досмеявшись.

– Меня по паспорту так зовут, – обиделся он.

– Кожаный?

– Ха-ха-ха! Поверила?

– Нет.

Пол заметно приуныл, но когда вспомнил, что Нидж уже смеялась до этого момента, посчитал, что одна глупая шутка ничего не испортит. Нидж, напротив, он нравился всё сильнее, потому что в этой глупости и было то настоящее, чего она не могла найти ни в одном человеке. Разговаривая, вот так, с человеком с глазу на глаз, ей самой смешно становилось от того, что единственный, кому она до сего момента доверяла, – робот. Тогда-то, замечая эту неуклюжесть, ощущая резкий запах мужской кожи, она поняла, почему Пола называют именно так. Их связывало ещё то, что оба были скрытны и многого о себе не рассказывали. Но если

Нидж считала свои секреты попросту неважными, то аккуратность Пола была единственным фактором, из-за которого у неё не получалось всецело расслабиться. Допустим, она не понимала, почему с самого момента их знакомства у Пола на шее завязана бандана. Ведь, войдя в квартиру, он разделся до самых трусов и переоделся в глянцевую пижаму, но бандану оставил. И почему его коллега-дружок на имплантированных паучьих лапах так подозрительно смотрел на неё, когда Пол подошёл познакомиться? Признаться, Нидж ждала, когда Пол подойдёт, ещё в тот момент, когда они первый раз пересеклись взглядами, и наблюдала за ними с самого начала. В очередной раз Нидж пробрала паранойя, и с обоснованными подозрениями о том, что Пол что-то скрывает, мешалась банальная человеческая неуверенность: «Может, его друг отговаривал знакомиться, потому что я недостаточно красивая?»

– Почему ты платок не снимаешь? – решила спросить Нидж.

– А почему ты футболку не снимаешь? – быстро перехватил Пол и подразнил её кончиком языка, скользнув по нижней губе.

На то она ничего ответить не могла. Громко цыкнув, Нидж встала и слабенькими шажочками добрела до вешалки, достала пачку сигарет и, показав ему, кивком как бы спросила разрешения. Пол разрешил и сделал глоток джина.

– А я смотрю, тебя тянет к саморазрушению, – протянул Пол, прислушиваясь к треску выдыхающейся сигареты. – Ты кури, кури, я не возражаю. Но должен тебя предупредить. Это твоя последняя сигарета.

Нидж почувствовала, как запахло топлёным молоком, и в запахе этом она находила всё то, что так хотела от жизни. Всё то время, как она без передышек курила, отбросив процесс куда-то на задний план, Нидж с закрытыми глазами представляла комнату с приглушённым светом и тем самым запахом. Представляла одного единственного человека – не существо, не особь, а мужчину, – с которым ей будет хорошо, как ни с кем другим. С которым приятно разделить не одну постель, но и целую жизнь. Этот мужчина был крепкого телосложения, но не особо высок, с добрым овальным лицом и распущенными до плеч волосами – именно так выглядел Пол, но воображала она совсем не его. Когда она закончила, ей захотелось проблестаться от горечи во рту, и только запершись в ванной, с честной неприязнью смотря в зеркало, Нидж поняла, кого вспоминала всё это время. Вернувшись как из ванной, так и из мира грёз, она сама вогнала себя в тоску от того, что свет здесь не приглушён. Пространство к её возвращению залило гламурными цветами. Нидж сама не понимала, делают ли эти цвета всё происходящее – под «происходящим» она думала о своей жизни, как таковой – менее грязным, или только сильнее опошляют.

– Тебе не нравятся курящие женщины? – спросила Нидж. – Вполне объяснимо. Мужчины любят «чистеньких».

– Дело не в сигаретах. Я не люблю огонь.

– А причём тогда?..

– Что? – развеселился Пол, став корчить из себя дурачка.

– Саморазрушение, – Нидж сама не поняла, как позволила себе нахмуриться.

На диван ей возвращаться не хотелось. Она оставалась у стены и пообещала себе там оставаться до тех пор, пока не услышит от Пола настоящих ответов, а не огрызков личных убеждений.

– Я говорил не о курении, а о тебе, – пояснил Пол. – Мы познакомились с тобой не в самом приличном месте. Такие места... они разрушают душу человека.

До того опьянела Нидж от пары бокалов джина, что полностью доверилась мнению Пола и сама поверила в его слова. Ей стало грустно, а ведь всем известно, что мешать тоску с алкоголем для здоровья куда опаснее, чем напитки разной крепости. Перво-наперво она пошатнулась и рухнула на колени после двух кривых шажков. Пол подхватил её, но Нидж это не спасло, и, проехавшись по ковру ничтожный сантиметр, она стёрла колени в кровь. Щёки её обвисли,

покраснев, губы надулись, глаза заплыли, и, медленно увядая, тело её медленно ползло вниз, и в конце концов голова Нидж оказалась на плече Пола. Сразу осознав положение вещей, она не стала противиться и даже дала ему погладить себя по волосам.

Вспоминая момент знакомства, Нидж тревожилась от того факта, что первая обратила на Пола внимание. Её банальная женская фантазия – быть первой замеченной привлекательным парнем – рассыпалась в прах с того самого момента, как она посмотрела на него, теснящегося среди сотен танцующих тел. Под меняющимися цветами стробоскопа, Пол не менялся вовсе; он оставался собой, жил в моменте, отдавая себя каждой вспышке гадкого прибора, и именно в той тесноте он был по-настоящему свободен. Только Пол ответил взаимностью на её взгляд, как тут же исчез. В те минуты с испарения Пола, для Нидж наступил второй этап стыда, потому что глаза её сами начали искать, а она этому противилась и старалась забыть в внимании десятков других мужчин. То есть, не мужчин, а особей, существ, тварей, туш – так она их называла. И как-то сами по себе глаза бегать перестали, а Нидж с головой окунулась в *свою персональную свободу*. Грубые руки сущности позади, впившейся в её бока, по ощущениям оставили синяки, но в эту секунду Нидж боли не чувствовала и, взмахнув волосами, повернулась передом и затанцевала в такт. В ту же секунду её увёл другой и повёл себя ещё грубее, что Нидж, честно говоря, только понравилось. Особь вцепилась ей в талию, потом жадно заводила руками по груди, а потом также поступила и со всем телом, оставляя на нём полосы от каждого неаккуратного движения пальцами. Нидж почему-то поддавалась и выгибалась сильнее, открывая неизведанные куски своего тела. На этом танцполе она жила ради них, ради этих похотливых созданий и их взглядов, жаждущих заполучить её как можно больше. Они делят её и сражаются, как дикари за кусок мяса. А она кайфует и извивается, как только может, лишь бы одну лишнюю секунду увидеть эти свирепые глаза. Тут её одёрнул ещё один и им оказался Пол. Глаза его были также полны жажды, но было в них что-то, что отличалось от простой животной страсти. Больше Нидж никто не уводил, но причины она не помнила: то ли Пол не позволял, то ли ей уже не хотелось. Тогда же они и покинули то место и, оставив друга Пола одного, с детским смехом запрыгнули в пустой автобус, последний по расписанию. Там они даже не разговаривали, но много хихикали, разлёгшись на сидениях автобуса друг на друге. Нидж лежала на его груди, обвитая крупными руками, и (предварительно дав себе отчёт о том, что следующий поступок обернётся ей третьим этапом стыда) в один момент изогнулась в спине, обхватила его шею и поцеловала. До поцелуя они не посвятили друг другу ни единого слова.

– Огонь послан дьяволом, – ванильным голосом шепнул Пол ей на ухо. – Помни это. Повторяй это, едва коснёшься зажигалки.

И хотя Нидж понятия не имела, кто такой этот «дьявол» и почему огонь послан именно им, лишних вопросов задавать не стала, потому что к комбинации алкоголя и тоски добавились поглаживания Пола, и то окончательно её убаюкало. Тело её спало, голова же застряла в состоянии полудрёма и, не без труда, размышляла о словах Пола. Так, по мере того, как её тело всё сильнее обсыпало мурашками, огонь начинал пугать и её. За какие-то несколько секунд она успела пожалеть обо всём, что с этим посланием дьявола было связано: от собственных первых контактов с ним до первой добычи огня путём трения миллионы лет назад.

– Милая моя... – назвал он её так, словно прочитав мысли, ведь Нидж мечтала об этих словах. – Я чувствую, как тебе одиноко, – снова считывает её, как открытую книгу, – но теперь я с тобой. Ты в безопасности. Сегодня, завтра и... навсегда.

– Навсегда... – протянула Нидж, зевнув.

– Навсегда. Одиночество совсем не в природе человека.

– Природа давно поменялась, – пускай, сама Нидж спала, но её распахнутая (возможно, без её желания) душа только проснулась после долгой спячки.

– И потому я с тобой.

– А сём эта т-т-ты?... – спросила она, откровенно прихрапывая.

– Спи, маленькая. Спи. Ты заслужила этого, как никто другой...

Глаза Нидж долго не могли закрыться и уже начинали слезиться, и когда она наконец-то позволила себе заснуть, тушь мутными полосами потекла по её щекам. Пол протёр её лицо и, не в силах сдержаться после того, как оглядел её мягкие черты, примкнул к губам. Бандана свалилась с его плеч, и, видимо, сама судьба велела проснуться Нидж в тот момент. Видимо, она просто хотела ответить ему на поцелуй, но воспользовалась моментом увидеть его шею впервые без лишних тряпок. Тогда-то она и разглядела три вздувшихся полосы, вмиг взбодрилась и оттолкнула.

– Ты..!

– Да, и что?! – прервал он её слова поцелуем, а потом прервал свои. – И ты дозорная, но я ж тебя полюбил, – прервал, – и ты меня полюби таким, а? – он прервал, но заметил, что Нидж не отвечает ему, и под его губами её губы были словно мертвы. – Что? Не полюбишь?

Нидж промолчала. Пара секунд отвращения кончились тем, что она прервала неловкую паузу методом Пола. И завтрашним днём это обернётся тем, что Нидж ощутит стыд в четвёртый раз.

6

У группы «Резиновый коршун» определённо был свой стиль: беготня по сцене, избивание друг друга гитарами и синтезаторами, горластые выкрики и никаких связных слов в песнях. Они пели в собственном жанре поп-ремблинг и вряд ли хотели, чтобы каждую их песню (представляющую из себя колючие стоны под дикую музыку) разбирали по кускам, как это любят делать самые фанатичные слушатели. Их главная фишка была в том, что после каждого концерта менялся солист. Предыдущий всегда, будучи угашенным, либо сгорал во время огненных вспышек, либо разбивался в лепёшку, когда прыгал со сцены, надеясь на то, что фанаты подхватят его, и он будет плыть на тысячах чужих ладоней. И концерты их всегда заканчивались только потому, что солист нелепо умирал, хотя по контракту обязан был жить ещё час, пока концерт не кончится. А фанаты всё это знали и шли на выступления только ради этого момента. У сегодняшнего солиста, которого, как и любого другого после кончины, запомнят лишь буквой алфавита – лично ему было присвоено имя J, – даже под веществами не было желания бросаться в огонь. Он был готов часами разогревать вулкан в душах фанатов своим невнятным ворчанием в микрофон, но сам себя подпалить был не готов. И когда, по всем канонам, концерт должен был закончиться, он прокричал публике одну-единственную понятную фразу:

– Я вам не кукла Вуду, понятно!? – и трусливо сбежал за ширму.

За кулисами путь к гримёрке загородил менеджер с плавающими вопросами. J'ю казалось, что он произносит ровно то же, что и группа на каждом концерте. Вокруг летали горящие резиновые коршуны, линияющие прямо на него. Резина намертво облепила кожу J'я, закрыв и ноздри, и кричащий в агонии рот. Отрастив крылья и клюв, он, встряхнув резиновыми ошмётками, со свистом рванул по узкому коридорчику в сторону света. Став коршуном, J на лету клюнул ассистентку менеджера в губы и влетел в собственный вагончик через окно. На танцполе толпа свистит – братья коршуны зывают к нему. Снаружи менеджер, более крупный вид хищника, начинает охоту на забитого в угол коршуна. Менеджер раскачивает вагончик и засыпает J'я вопросами, и с потолка начинают сыпаться огни, растворяющие резиновую плоть. Но невнятный голос менеджера не утихает.

– Хватит воду лить! – гаркнул коршун J, и всё вокруг накрыло гребнем волны.

J ложится на пол и старается спокойно утонуть в окружении рыб. Он уверен, что в воде ему тонуть спокойнее, чем сгореть в огне. И тут – он очнулся. Внутри что-то замкнуло. Вода вмиг спустилась, резиновые перья осыпались, клюв отвалился. J смотрит в зеркало и гладит себя рукой, убеждаясь в собственной реальности. Трогает собственные запястья, вспоминая, чем кожа на ощупь отличается от резины. И снова смотрит в зеркало. Снова трогает себя: за губы, чтобы не ощутить вместо них клюва, и за живот, чтобы понять, что желудок требует не дождевых червей, а нормальной пищи. Но страх его не покидает. В зеркале он видит медного дьявола, с красными глазами и рожками под видом антенн. Сатана, о котором он так наслышан, явился в облики робота, подстроившись под нынешнюю реальность.

– Привет, – говорит Сатана хриплым голосом, таким жутким, что J смирился с фактом своей смерти: не на сцене, так в гримёрке – и, в любом из случаев, всеми забытый.

Последней его надеждой было то, что всё это не по-настоящему. Он снял с себя майку, накрыл ей зеркало и развернулся. За долгий опыт в пробе веществ, J ни разу не ощущал один приход с разных ракурсов. Сейчас Сатана исчезнет. Но Сатана реален.

– Тебе известен тот, кого называют Пророком Посейдоном? – спросил Сатана.

– Да, – раскаивается J и встаёт на колени.

– Слыхал, ты смог покинуть его?

– Да...

– Как?

– Не знаю! – закричал J в припадке, пальцами впившись в пол. – Правда, не знаю! Я приходил туда за спасением, как и любой другой. «Дети воды» гарантируют безвозмездно то, за что в наших реалиях платишь, как за новый флагман. Свободы. В наше время воздухом-то спокойно не подышать, на небо спокойно не посмотреть! А они про свободу говорят... Свободу от всего, понимаешь? От общества и его гнилого мнения, от... а, впрочем, от чего ещё нужна свобода?! Все страхи и комплексы, берущиеся у людей, все они от общества. Оазис какой-то обещали, ещё что-то. Когда ты отчаянный человек на распутье... и не в такие бредни поверишь... Я пришёл к ним, когда только-только подсел на вещества. Подсел настолько, что и воду заменили мне. И, что греха таить, иногда дозу достать дешевле, чем воду. Там не заставляют доказывать свою верность или что-то такое. Просто приходишь и молишься днями напролёт этому... то Пророку, то Богу. И ведь понимаешь, ни одной мысли не мелькнуло, что это секта. Никаких даров они не просили, никаких денег – сплошная мольба о спасении. Я и сам путался, но молился, как проклятый. И шёл к событию, о котором всем новичкам каждый день говорили и вдалбливали в голову, что после него жизнь наша крупно изменится. *Поцелуй Посейдона*. Сам Пророк Посейдон являлся перед нами только в эти дни. И ведь реально не соврали о поцелуе. Пророк этот целовал каждую тёлку в губы, да ещё так страстно, как будто с каждой в последний раз целуется. Эффект странный. Бабы эти так глаза закатывали, как будто он, между делом, им руку в трусы засовывает. Мужиков тоже целовал... в щёчку! И то, казалось, для вида. Мужиков он потом посылал в отдельные покои и каждому выдавал одну из этих целованных баб. Каждый говорит, что секс с ними – отвал башки! Но я ничего этого не чувствовал. Секс да секс. Кончил, конечно, довольно мощно, а после – пустота. Внутри как будто умерло что-то. Понимаешь, каким обманутым я себя почувствовал в тот миг? Нет, ни хрена ты не понимаешь. Такое только пережить надо.

Ещё когда моё тело содрогалось в экстазе, душа была беспокойна. Она кричала и рвалась наружу от того, что знала – во мне точно что-то умерло в тот момент. Если представить душу маленьким человечком внутри меня, то ему точно отсекло правую руку или полголовы, до того ужасно мне было. Укутавшись в халат после секса, я прилёг к той женщине и захотел просто поболтать, а она тут же отдалилась и завернулась в одеяло. Даже смотреть на меня не стала. Ещё полминуты назад она обнимала меня, расчёсывала волосы на моей груди своими длиннющими ногтями и, приликая к уху, шептала так нежно и ласково: «Любимый мой... Неповторимый... Единственный...», а стоило мне сходить за халатом, как вся любовь ушла. Я пытался с ней поговорить, а она всё делала вид, будто нет здесь меня. Я её толкаю, хватаю за плечи, пытаюсь выбить хоть словечко. Силой разворачиваю её к себе и вижу, что она плачет. Я опешил. Нет для мужчины сильнее унижения, чем плачущая женщина после близости. И видя меня, она от глухих всхлипываний перешла к настоящему рёву:

– Почему, почему ты – не он?! Где мой Повелитель?! Куда подевался мой Владыка?! Он посчитал меня недостойной, да?.. – спросила она уже тихо, видимо, сорвав голос. – Я буду стараться лучше для него. Молиться больше, грешить меньше. А тебя я видеть больше не хочу! Никогда!

И тут я понял, что на моём месте она ждала Посейдона. Жаждала его сильнее обещанной свободы, до того жаждала, что, вместо меня, ей почудился он. Кстати, я даже не посчитал это странным. Ладно, думал я, женщины, может, перевлюблились все разом, и в этих покоях таких же бедолаг, вроде меня, ещё куча: так-то Посейдон был довольно симпатичен, так что ничего удивительного, в правду, не было. Но мужики... как будто он сам их пёхнул, да так хорошо, что вся любовь к женщинам у них прошла... Эй! – тут J повернулся. – Я не поддерживаю эту херню, ясно?

– Успокойся, я не из полиции, – сказал Сатана, загудел. – Я из ада, – и жестом велел продолжать.

– А я... у меня такого не было. Я не полюбил его. Хуже. Я возненавидел его. Пророк Посейдон и его подсосы украли у меня последнее, над чем я ещё был властен в своей жизни – время. С этими же мыслями, помню, я в том же халате встал, сунул ноги в тапочки и вышел с покоев. Нашёл укромное место и, оглядевшись, отклеил от затылка припрятанную за волосами сигарету с зажигалкой. Эта сигарета всё испортила. Меня увидел один из представителей Посейдона. Я искренне раскаялся ему, пообещал никогда впредь не иметь дело с огнём – а контакты с ним были под запретом, – а он меня приласкал по-учительски и, скорчив строгость, довольно мягонько велел больше не спотыкаться. А потом отвёл в «Комнату грешников». Клянись тебе, её боялись абсолютно все. Нас запугивали ей с самого первого дня, с самой первой молитвы. Представитель Посейдона стал мне мозг промывать, мол, я просто недостойный, и это всё реально. И с каждым словом тон его голоса менялся от мягкого к какому-то нечеловеческому. И если, говорит, кто-то узнает о моём страшном грехе, меня ждёт жуткая смерть, меня покарает сам Бог, вселившись в тело Пророка, и всё в этом роде. «Да хорошо, хорошо, – говорю. – Я просто уйду и забуду, ладно?» Но меня не отпустили. В этой комнате меня скрыли ото всех на такое время, что я со счёту сбился. Каждый день приходили, выпытывали из меня что-то, мол, что я чувствовал после Поцелуя Посейдона. «Да не было поцелуя никакого!» – говорил я им, но их ответ не устроил. И меня пытали, пока я машинально не стал отвечать, как им угодно. «Что почувствовал после Поцелуя Посейдона?» – «Блаженство, как и любой человек», «Почему сопротивляешься?» – «Потому что не достоин». И только тогда меня отпустили. А знаешь, что хуже всего? Я говорил это не по их прихоти. Я начал в это верить. Но где-то внутри меня оставался рассудок, и он говорил мне: «Чувак, очнись!» И я очнулся. Но спустя какое время... Ох, та комната была не самым страшным местом. Я не мог оттуда выбраться, но я был жив и хотел свободы. Но быть на свободе, у себя дома, и не пользоваться ей – вот, что страшнее всего. Они дарят свободу, да. Ту свободу, которую у тебя же и забрали. Только вот ещё в чём штука: можно ли назвать свободой чувство своей полнейшей ненормальности? Чувство, что ты не вписываешься в этот мир. В этом их сила. Они дарят свободу физическую, но забирают душевную. А хотя... будто бы от неё что-то осталось... А рассказать тебе ещё один секрет? *Сегодня – день моей смерти.*

Через некоторое время, после всех этих ужасов, мне на домашний адрес пришла посылка. Пришёл робот, всучил мне какой-то металлический кейс и ушёл. Только я его поставил на пол, как тот раскрылся и отразил голограммой дату: «Резиновый коршун, 15.09.2103». Я о группе тогда уже знал. Голограмма потухла, и я увидел в кейсе планшет-одноразку. Ещё подумал тогда: «Какой такой богач мной заинтересовался?» Планшеты-то эти совсем недешевая штука, ещё и созданная чисто для пафоса. Планшет включился и отразил текст. Там было «уникальное предложение». Короче говоря, мне предложили внезапную популярность, но взамен – конец моей жизни выпадет на ту самую дату, что отразил кейс. И до меня как-то до самого дошло: это было не предложение. Меня поставили перед фактом, что такой будет дата моей смерти.

– М-да... – отрезал Сатана, сделав собственные выводы.

Судьба имеет какой-то алгоритм, и N'ое количество лет назад компьютер его разгадал, вывалил в открытый доступ и сделал жизнь куда более бессмысленной, чем она когда-либо была. Раньше, вот, один век всегда клеймила одна болезнь, по крайней мере, с того момента, как кто-то додумался озаглавливать определённую пору каким-то недугом. Но всю историю нас преследует депрессия. В античности это списывали на недостаток чёрной желчи, в средних веках стали винить бесов. Подходя ближе к современности, века стали, будто бы ради приличия, называть иначе: век меланхолии, век истерии – и всё равно мы плавно перетекали обратно в депрессию. В ней же увязли до сегодняшнего дня, и больше никто не пытается это скрыть. Раньше человека сжигали на костре, потому что считали проклятым бесом. Теперь человек сам знает, в какой день его сожгут, и бороться не собирается.

Людей на весь мир, которым доступен алгоритм, по пальцам можно сосчитать. Официально не разглашаются имена владельцев алгоритма, однако известно, что таковых всего четверо. Сатана обрадовался: истина где-то близко, но вместе с этим добраться до неё будет так нелегко.

– Планшет-одноразка оказался детской хернёй в сравнении с тем, что я увидел. Кому-то из четверых понадобился лично я, чтобы рассекретить дату моей смерти, и ещё поглотиться вдобавок. Что ж, я таким утешительным призом, как видишь, воспользовался. А потом я захлопнул кейс, захотел швырнуть его подальше со злости, но на крышке его увидел гравировку...

Вы не согласились обрести свободу, необходимую человечеству, как вода, – и мы вынуждены показать вам, каково гореть дотла

С уважением, философское объединение "Дети воды"

Сатане стало тепло на душе, и он загудел от счастья.

Ј протрезвел. Перед ним больше не Сатана, а самый обычный робот, посланный правительством. И тогда, поняв, что спокойной жизни ему больше не увидеть, он договорил до конца:

– Но, знаешь, что я понял? – говорит Ј. – Этот хваленый Бог, может, и есть, но точно не с нами. Осталось только что-то, придуманное человеком, но превзошедшее его во всём. Оно за нами и следит, очень отстранённо и нейтрально.

– И как зовут их «Бога»?

– Ги-Нэа.

Бывший Сатана поглядел на бронированную дверь. В неё кто-то очень настойчиво ломится. Дверь из титанового сплава, способная открыться лишь по ключ-карте. Сканеры отпечатков пальцев давно вывели из производства, когда преступники стали отрубать пальцы владельцам своей цели и открывать двери таким образом. Но, ошупав карманы, Ј понял, что не чувствует карты. Когда дверь сдвинулась влево, скрывшись в механизме, в вагончик забежали четверо лысых мужчин в моно-очках, кожаных куртках и широких джинсах, под которыми не видно обуви. Идентичные друг другу крепыши – сойдут за охранников. Но, миновав Марка, они напали на Ј'я. Когда Марк попытался впрячься, получил кувалдой по голове и упал. А Ј со своей смертью смирился ещё во время трипа. Возможно, его запомнят, как единственного солиста группы «Резиновый коршун», которого в гримёрке растерзали фанаты.

Марк трогал своё лицо и ничего не чувствовал. В какой-то момент ощутил лишь, как его палец спотыкается об осколок: так он понял, что один его глаз разбит. В области лба палец проваливался в ямку – вмятину. Единственный целый глаз залило стерильным светом, пока второй медленно потухал, напоследок видя лишь паутину из собственных осколков. Когда он поднялся вверх, подумал, что Ги-Нэа забирает его, но, на деле, фанаты просто схватили и поволочили до самого выхода, бросив на пешеходном переходе. От гудения машин антенны трещали. Светофорная станция, залив всю зебру красным цветом, требовала покинуть территорию пешеходного перехода для проезда. А Марк всё лежал, ощущая, как вмятины начинают надавливать на колбу с мозгом внутри головы. Голову одурманили фантомные боли: он представил себя человеком из кожи и плоти, избитым до крови. Он пытается посмотреть на мир сквозь красные стёклышки, прикидывая, как выглядят здания, люди вокруг и небо по-настоящему. Всё вокруг – красное, ограниченное встроенным в него фильтром. Но это не самое страшное. Таким недугом был обременён лишь он один, и любой другой человек (без дальтонизма) способен посмотреть на реальный мир. Но мир этот таков, что ни один человек не может посмотреть на небо. Бескрайнее голубое полотно над безвкусным миром давно закрыли отражения рекламных проекторов и клубы дыма от огненного шоу.

«Огонь послан дьяволом», вспоминала тем временем Нидж и не решалась взять в руки зажигалку в тайне от спящего партнёра. Она старалась унять боли в шее, периодически касаясь трезубца. Все её попытки оказывались безуспешны, и, стискивая зубы, она начинала трястись

всем телом и старалась прекратить хотя бы это. Само появление клейма медленно высасывало всякое желание иметь дело с огнём, и этот процесс был таким же болезненным, как жжение трезубца. От запретного плода (ставшего запретным совсем недавно) исходит не сладость, а горечь – и брать его в руки не хочется. Что-то внутри его отвергает. Фантомная аллергия. Она лежит на кровати и смотрит в окно, которое при иных обстоятельствах могло открывать вид на звёзды. Но их – звёзды – всю ночь закрывают полосы неоновых огней, заполонивших окно. А утром глаза скатываются после бессонницы, и взглянуть не получается. Нидж тоже не видит небо.

7

Последние два часа были ужасными. Марк помнил лишь то, что ближе к полуночи, когда организм отрубался от прекращения циркуляции жидкости-теплоносителя, местные активисты (такие же, в моно-очках) отнесли его на свалку. Волонтёры – кажется, те, что борются против равноправия между роботами и людьми – оказались куда слабее прошлых. Пока его перетаскивали, антенны успели искривиться, расцарапав асфальт, а аудиосенсоры в них – потрескаться. Осталось лишь глухое звучание уличной жизни, даже тише звона в ушах у *нормальных людей*. Нормальных людей. *Почему я не заслуживаю отношение, как к нормальному человеку?* Марк умеет дышать своими почти-настоящими лёгкими, думать и чувствовать своим почти-настоящим мозгом. *Почти.* «Я что, гомункул, выходит?»

Разбудили его собственные, очень громкие мысли. Отлично сливаясь с горой металлолома, Марк лежал в этой куче и никак не мог свыкнуться с мыслью, что он о чём-то забыл. Не просто забыл, а вовсе упустил из виду. В его голове шумит чей-то голос: не женский, не мужской – просто голос, ему не принадлежащий. Голос твердил, что он и впрямь где-то облажался. Во флегматичные периоды такого он себе не прощал, да и не было такого вовсе. Дурацкое упущение, настолько дурацкое, что хоть смейся до ржавчин в металлическом теле – говорило лишь о скором переходе. К новым взглядам, новым свойствам, скорее всего, не самым положительным. А это уже значило, что завершить дело нужно до того, как рассудок утратит рациональность. Тут он случайно вспомнил продолжение учений Пророка Посейдона.

«...и грех ваш забрать на себя. Ведь нет большей чести для вас, как отдать Владыке своему уничтожить неприятеля. Ведь путь врага к обители нашей знаменует ему лишь горе и смерть: его и его родных. Кинется недруг на лёгкую наживу да споткнётся о собственную глупость», – цитирует Голос продолжение «Учения о вражде», и Марк всё понимает. Лиза осталась с Сектантом, ведь Нидж ушла по своим делам, не сдержав обещание. Лиза осталась с ними, а жирный урод остался с ней. Марк поднялся и захромал по свалке, слепой на один глаз. Споткнулся о протухшую банку с рассолом. И поднялся снова уже вместе с банкой, по пути внюхиваясь в неё, убеждаясь, что он чувствует к этой вони настоящее отвращение. Как, собственно, и полагает человеку.

– Я убью её, ясно?! Замер! Застынь, урод! Слышишь?!

Услышал Марк, стоило перешагнуть порог гостиничного номера. Банка сама вывалилась из металлической клешни. По гостиничному номеру прогремел треск стекла, а по полу медленно растёкся рассол. Сложно представить, был ли хоть малейший испуг на вечно покрытых глазах Лизы в такой момент, но вот губы её оставались сухи, будто она и рта за день не открыла, и неподвижны. Только то, что раз в несколько секунд она могла громко сглотнуть слюну, вздрагивая всем телом, натянуто выдавало её дискомфорт. Да и дрогнула она всего раз, когда банка разбилась. В остальном... Вся эта картина, где миловидная девчонка в растянутой майке да коротких шортах, с завязанными глазами и руками невольно располагает между своих ног толстого, одурманенного какой-то пылью сектанта, который только и водит кончиком ножа по её животу, как щекотливым пёрышком, вместо страха вызывая только мурашки, – походит, скорее, на порно-фильм какого-то особого жанра, чем на реальную угрозу. Хотя что-то происходящее здесь и вводило Марка в смятение, и за полминуты игры в гляделки, когда рассол уже впитался в ковёр, он смог лишь выдать из себя вопрос:

– Зачем?..

– Зачем?! Ты что, реально такой тупой?! Вы меня похитили, забрав у моего Владыки, и спрашиваешь... *зачем?!*

Марк неподвижно стоял. Он очень медленно осознавал ситуацию, а ещё медленнее – своё к ней отношение. Ощущал он то невыносимую злобу, то первобытный страх. Так он метался от состояния к состоянию, пока не застыл в тихой злости. Он злился на себя, потому что оставил Лизу с неуправляемым психом; на Нидж, потому что пропала на сутки, и ему теперь всё разгребать за неё; на саму Лизу, потому что вечно тащится за ними хвостом; даже на сектанта, просто потому, что человека более жалкого Марк не встречал никогда, и это ужасно злило. Злоба всё-таки взяла верх. Тело так горело, что он начал верить в то, что это приятно. И механизм в груди загудел громче.

Сектант бегал глазами по комнате, заикливаясь то на Лизе, то на Марке.

– Да что с вами не так?! – завопил он, заполз на Лизу и подвёл нож к её лицу, одним взмахом разрезав повязку на глазах.

– Стой! – крикнул Марк, рефлекторно вытянув руку и подбежав к кровати.

Сектант ёкнул, скривился напоследок и замертво свалился на пол. Изо рта пошла пена, медленно пробежавшись по щеке и слившись с рассолом в единую густую смесь. Марк цыкнул, взглянул на Лизу, закрывшую лицо одеялом, и, со вздохом пустив пар из горла, обхватил труп за плечи и потащил к двери. Туша поволочила за собой пену и рассол.

ПРОТОКОЛ

доклада о происшествии в ходе проведения мероприятий по расследованию деятельности секты «Дети воды»

Дата и время составления: «16» сентября 2103 г; 02:31

Место составления: Гостиница «Софи»

Имя составителя, должность: Объект-2, участник экспериментальной программы «Дозор» в рамках интересах правительства Страны G.

Обстоятельства происшествия:

Вечером, в указанную выше дату, приблизительно в 22:00 взятый под стражу подозреваемый (Далее – Подозреваемый, без разглашения имени, в связи с 32-й статьёй Конституции Государства G), угрожал холодным оружием третьему лицу со сверхъестественным даром, опасным для жизни субъекта. В ходе случайных обстоятельств, Подозреваемый (его причастность к деятельности секты была доказана) скончался. Труп был передан сотрудникам Скорой помощи. К протоколу прикладываю: фотоматериалы, схема места происшествия.

– Я убийца, да? Ну, скажи, убийца?

От мешанины в голове, приправляемой всхлипываниями Лизы, завершить протокол не удавалось. Марк застыл перед проекцией экрана и смахнул его в сторону, послав ко всем чертям. Он выдернул из своего затылка провод, отправляющий его в дополненную реальность, где составлялся протокол и откуда вынимались из потёмков его сознания необходимые материалы. Его отбросило в реальный мир, и в тот же самый момент он понял, что предпочёл бы вечно копаться в своей голове в поисках нужных файлов и составлять протоколы, чем сразу после пробуждения видеть постельное бельё, запачканное в чьей-то предсмертной пене.

Марк посмотрел на Лизу. Бедная девочка, подумал он. Такая маленькая, с такой могущественной силой в таком слабом мире – и уже винит себя в чьей-то смерти. Но эту мысль он быстро отпустил, вспомнив, что последствий не будет. Ему, действительно, стало казаться, что этот факт излечит от переживаний и Лизу.

– Ты ведь не хотела этого. Вдобавок, он тебе угрожал. Мы оформим это, как самооборону. Да и со связями твоего отца...

– Перестань! – закапризничала она, некогда очень спокойная. – Ещё смеешь думать после этих слов, отличаешься ли ты от человека! Ещё как отличаешься! Ты хуже, во много раз хуже самого никчёмного робота. Он хотя бы способен сыграть поддержку, сделать вид, что всё

хорошо. Но ты!.. Ты даже на такое не способен! Может, только это и добавляет тебе человечности, потому что люди, в большинстве своём, бестактные болваны!

– Что ты хочешь этим сказать?

– Может, у тебя и есть право задаваться этими вопросами. Ты, правда, необычный случай. Но мыслишь ты ни в том направлении. Ты судишь о себе, как о роботе, как о бесчувственном организме, и о человеке, как о глубокой душе. Ведь так ты считаешь, да? Но вот, что я тебе скажу, – ещё до того, как Лиза сказала то, что обещала, Марк поразился мудрости этой девчонки; слегка постыдился того, что его поучает ребёнок; и решил наверняка, что, какого бы открытия Лиза не совершила, он притворится, что слова её полный бред. А девчонка сказала вот что: – Не каждый человек – человек, и не каждый робот – робот. Хотя бы не в том представлении, какое у тебя. Не каждый человек приласкает и обогреет, и не каждый робот сделает, как велит программа. Хочешь продолжать размышлять между этими двумя? Я тебе помогу с поисками. Ты либо худший на свете человек, либо худший на свете робот... Одно в тебе хорошо: ты не притворяешься. Ни с близкими людьми, ни с кем-либо другим. Боюсь представить, как Нидж терпит такого напарника.

– Какого?

– Который даже не позвонит, когда ты пропадаешь без вести больше, чем на сутки.

Марк, конечно, о пропаже Нидж помнил и ни на секунду не забывал. Нидж пропадает из поля зрения настолько часто, что Марк перестал обращать на это всякое внимание. А Лиза тусуется с ними совсем недавно и о тонкостях их взаимоотношений не знает *ни-че-го*. Здесь Марк упустил лишь одно: Нидж никогда не пропадала дольше, чем на одну ночь – и, вспомнив это, снова всадил провод в затылок.

Когда он отследил её по нескольким штуkenциям, вживлённым в разные части её тела, то увидел, что от жирной красной точки, указывающий местоположение Нидж, исходит очень странный сигнал, никогда ранее не видимый. Вокруг точки кружился целый рой красных песчинок, как насекомые танцуют вокруг своей королевы. Марк копнул глубже, проверив состояние каждого датчика. Тот, что вживлён в шею, перестал работать, а его температура скатилась до минимального значения из всех возможных.

8

Всякий раз, как Кожаный Пол просыпался в одной постели с женщиной, он совершал странный ритуал, который спокойно можно приравнять к избитой утренней рутине, учитывая, сколько женщин он затаскивал в постель. Ритуал был таков:

Сначала Пол просыпался и наслаждался видом своей пассивности. Нидж он любовался куда дольше, чем всеми остальными, и он даже одёрнулся, вспомнив, сколько времени он потратил на то, чтобы поглазеть на ту, кого легко способен взять. Собственно, зачем вообще глазеть при такой возможности? Так думал Пол и будил пассивность, пуская руку под одеяло даже без предупреждающего нежного шёпота на ухо.

Тут-то рутина и сорвалась, хотя по традиции, закончив, он должен был двинуться в халате к окну с бокалом джина в руках, а оттуда наслаждаться утренними видами Нексус-Сити. Всё пошло крахом потому, что ни одна пассивность Пола, до появления Нидж, не знала о его маленьком секрете. Но Нидж была другой, она заслуживала всё знать. По уши влюблённая, не до конца отрезвевшая и «промытая», *Нидж действительно была готова*. Усадив её на колени, он дал ей миниатюрную книжку и велел заучивать наизусть базовые стишки. Нидж почему-то ни слова против не сказала, и в этот раз она даже не задавалась больше вопросом, что за странности с ней происходят. Она покорно заучивала стихотворную историю о том, как Пророк Посейдон, божий посланник, явился в свет, облепленный пиявками и пираньями; о том, как Пророк возымел первых учеников и лишь на первом учении сорвал с себя кровожадных рыб, но не сжарил их на костре (как хотели того ученики), а велел всем есть сырыми, потому что знал – огонь послан дьяволом.

Пол продолжил рутину. Он вышел к окну с бокалом джина и смотрел, как город ещё не успел погрузиться под занавес голограмм. Такой город он любил – настоящий. Пусть, он знал, что голограммы умело скрывают ничтожный вид города, он всё равно предпочитал такой расклад. Нидж уткнулась в книгу, а Пол обратил внимание на валяющуюся шубку у его ног. Оттуда торчала ключ-карта. Пальцем ноги он её высунул, переложил в ладонь и спрятал в карман халата. Разглядывая ничтожный город, Пол заметил человека медного цвета с торчащими, как у дьявола, тонкими рогами. Медный человек расхаживал у дома, выжидая кого-то или чего-то, но Пол всё быстро понял, притаился за тюлем и подозвал Нидж.

– Ты с ним работаешь?

В ответ Нидж спряталась сама. Пол отпрыгнул от окна и, найдя телефон, набрал номер. Каждый протяжный гудок казался ему вечностью, и когда на той линии отозвались, он трусливо заорал в трубку:

– Приезжай! Приезжай! Я влип, Мэл, жутко влип! Понимаю, я обещал тебе, что тебя никогда не коснутся мои дела, но... Сейчас от этого зависит моя жизнь, понимаешь?!

– Я приеду.

И линия оборвалась. Нидж вжалась в ковёр, на котором заучивала историю Посейдона, а Пол подбежал, упал к её ногам и обхватил лицо.

– Эй... – сказал он ей. – Всё будет хорошо. Открой восемьдесят шестую страницу и читай второй стих, поняла? Больше ничего не делай. Читай его раз за разом, пока всё это не закончится. Я обещаю тебе, мы выберемся.

Пол раскрыл для неё нужную страницу и пальцем обвёл строки, которые нужно читать, а потом всучил книгу Нидж и рванул к выходу.

Да умрёт ваш враг в борьбе честной,

Заклинаю, дети мои, не суждено проиграть

Человеку не одинокому: не одинокому потому,

Что с ним – Владыка его.

*Ни за что не прибегайте к огню, дети мои,
Обернётся вам это гибелью верной;
Утопите врага, как котёнка нежеланного,
Свергните напором жестоким, как пожар,
Аль хитростью возьмите да напоите.*

Само собой, Пол хотел сбежать. Он взял первое, что попало под руки, и осторожно посмотрел в глазок. Сбежать не удастся – Медный человек уже здесь.

Когда Марк ворвался в квартиру Пола, то тут же получил чугунной сковородкой по лицу. Дверь осталась открытой нараспашку, а Пол от страха не сдвинулся ни на шаг после удара, а лишь держал сковородку дрожащими руками. Марк наступал. Он попытался ухватиться за Пола обеими руками, но тот, уронив сковородку, скользнул мимо. В конце концов, ему удалось ухватиться, и Пол безуспешно попытался драться ногами. Кожаный вырвался, расцарапав плечи о железные пальцы, и отступил назад, бросив в Марка глиняный кувшин. Пол споткнулся о низ собственного халата и с грохотом повалился, а когда поднялся, мощным ударом получил в бок и отлетел в стену узкого коридора. Хлопья штукатурки посыпалась на него. Марк вдавил его голову в стену, обхватив всё лицо, и монотонно спросил:

– Ты зачем ударил меня?

– Ты первый начал! – ругался Пол.

– Я просто вошёл в квартиру.

– Ты вломился в неё! Я тебе не открывал!

– В том-то и дело: ты мне не открывал.

– А кто ты, на хрен, такой, чтоб тебе открывать?!

– Сосед, – развеселился Марк: во флегматичные периоды он редко был весел, но флегматика, кажется, в нём уже не оставалось; поселился кто-то другой. – Недавно заселился, хотел познакомиться. Тебе есть, что скрывать, раз ты сразу в драку полез? Например, мою напарницу.

В тот же момент Марк почувствовал, как сзади его тело было охвачено со всех сторон какими-то острыми железяками, и он кувырком вылетел из квартиры, треснувшись головой о косяк распахнутой двери. Пол любезно закрыл за ним дверь, но к тому моменту (он заметил краем глаза), что в квартире был кто-то ещё. Эта любезность так его обозлила, что всё тело загудело. Злость быстро переменялась на садистскую радость, и значило это лишь одно – флегматик медленно покидает его, сменяясь кем-то другим. Поняв это, Марк обрадовался ещё сильнее. В ту же секунду он одним ударом выбил дверь, и та свалилась прямо на бедолагу Пола, а Марк с азартом вступил в ожесточённый бой с его дружкой по имени Тарантул Мэл. Своими имплантированными клешнями, заменяющими ноги, Мэл раз за разом швырял Марка в стены, не давая даже дотронуться до места своей силы. Марк хотел подобраться и вырвать с корнем паучьи лапы, но Мэл, он точно это понял, явно имел опыт в драках. Марк наносил удар – он ловко перепрыгивал, продавливая головой потолок, и исподтишка наносил удар. В голове Марка загудело, и кроме этого он не слышал больше ничего. Лёжа он попытался нащупать датчик на аудиосенсоре, чтобы включить режим «Отсутствие слуха». По привычке, он хотел воспользоваться правой рукой, но та никак не могла дотронуться до виска – только тогда-то он и понял, что рука валяется у него перед глазами, а из плеча его торчит смесь толстых проводов и раздробленный шарнир. Тогда он переключился на нужный режим левой рукой – благо, с ней дело обошлось парой царапин, – и перед единственным целым глазом замелькали слова:

объект движется по коридору, на запад

кряхтение

объект поднимает тяжёлый предмет

Марк понял, что Мэл его оставил и пошёл вызволять Пола. Этот факт его подуспокоил: он встал и двинулся дальше. Субтитры прописывали ему каждый шорох в квартире, и спустя пару шагов он перестал обращать на них внимание.

Почему-то Марку казалось, что больше здесь никого не было. Квартира у Пола, стоит признать, была внушительна, и при тщательном обыске нарыть здесь что-то да удастся, и даже очень многое. Но сейчас у него не оставалось сил ни на что, кроме как на поиск Нидж. Хотя сейчас, пройдясь по паре комнатушек, он начинал отчаиваться и искренне верить, что влез в драку с абсолютно случайными людьми. Стоило этим двоим исчезнуть, как комната наполнилась тишиной; он и забыл, что потерял слух и, параллельно тому, игнорировал субтитры. Спокойствие продлилось, пока спину Марка кто-то не оседлал. Кто-то очень лёгкий и не следящий за укладкой длиннющих волос. Единственный зрячий глаз ослеп, когда весь обзор засыпало этими волосами. Чьи-то длинные ногти стали скрести по голове, стараясь дотянуться до глаз. Марк разогнался и спиной влетел в стену. Со спины его сползли, он развернулся и увидел Нидж.

– Ты дура, что ли?.. – спросил он с долей сожаления.

И она посмотрела на него совершенно незнакомыми глазами. Незнакомыми и незнающими. В них была та вдумчивость, которой в Нидж не было никогда. Нахмуренные брови этот невыразительный взгляд практически покрывали. А Нидж никогда не хмурилась, даже в самых отчаянных ситуациях. Когда она грустила, то брови, напротив, вскидывала, и глаза её тогда покрывались слёзной пеленой, напоминающей о её человечности. И смотрела на Марка она всегда как-то иначе, не как на остальных людей. Не сказать, что она всегда была ему рада; Марк любил захаживать к Нидж, когда ночевать было негде, и в её приветственном взгляде не было ни радости, ни грусти. Она встречала его, как человека, к которому давно привыкла, которому радоваться уже как-то пошло.

«Тебе нужно дать имя», – поставила Нидж его перед фактом за несколько минут до начала пробки, и они стали молчать вплоть до того, пока она не посмотрела на руль. И тогда Марк вспомнил, что Нидж ни разу не называла его Объектом-2, которым он официально являлся, в какой документ ни глянь.

– Эй... – подозвал её Марк, затосковав, и присел на корточки.

Трезубец на шее. У Нидж он был и красовался очень ярко. Марк вновь загудел, и флегматик умер окончательно.

перезарядка

нагрев орудия

Марка вновь заинтересовали субтитры. Он чувствовал, как становится жарко, а затылок и вовсе практически начинал гореть.

– Вы же боитесь огня.

«Можно сделать исключение, когда враг наступает»

– В «Учении о вражде» такого не говорится.

«Заткнись»

Лазерный прицел продолжал греть затылок. Субтитры сообщали о гудящих звуках, пока пистолет готовится к выстрелу. Когда всё достигнет пика, оружие обрушит энергетический всплеск, чтобы пробить прочную металлическую голову. Кажется, Пол позади поставил мощность на максимум, но, учитывая, как трусливо он держал пистолет (по этому признаку Марк и вычислил, что это именно Пол), убивать он боится. Чего тогда добивается? Субтитры доложили о том, что оружие достигло максимальной точки готовности, и глухим свистом раздался выстрел. Марк вздёргнулся в последнюю секунду, и заряд улетел в окно. Марк поднялся и выбил пистолет из рук Пола. К удивлению Марка, Пол больше не излучал страха. Ещё не успев отвыкнуть от чувства превосходства, пришедшего с появлением в руках пистолета, он даже попытался вступить в бой и отталкивал наступающую металлическую тушу ногой. Марк его бесчисленные удары игнорировал, ведь ничего от них не чувствовал. Пол только лишний раз руки отбивал и вскоре разорвал их в кровь. Присев на одно колено, он кувыркнулся, схватил пистолет и тут же выстрелил. Слабый заряд пробил Марку голову, и он с грохотом рухнул на пол. То, что он делал дальше, у людей называют предсмертными конвульсиями. Только вот робот на такое способен не был. То, что происходило с Марком, было чем угодно, но не смертью. Он что-то ощущал и что-то видел.

В этом мире, куда его отправил энергетический заряд, была только темнота, расстилающая миллионы бесконечных трещин – проблесков света. Собственные движения здесь были неощутимы; Марк осознавал поворот головы, лишь ориентируясь на трещины. Эти трещины перекрывала чёрная человеческая фигура. Слух вернулся: до Марка доходили звонкие, как редкие капли дождя на опустошённой улице, шаги этой фигуры. Видел он её двумя целыми глазами и даже моргнул каждым по очереди, чтобы убедиться.

«Лжец, – говорит фигура. – Человек, сотворивший это, лжец».

Голос фигуры совпадал с тем, что Марк слышал на свалке. В целом, любая мысль Марка говорила этим голосом. Широкоплечая фигура имела тонкую талию и трудно различимое очертание округлой груди: перед Марком и не женщина, и не мужчина. Перед ним простое очертание *человека*, среднего между мужчиной и женщиной. Кем, в понимании фигуры, являлся *человек, сотворивший это* с первого раза Марк не понял. А потом Фигура добавила:

«Он – тот, кого ты ищешь. Тебе нельзя его упустить», – и Марк проснулся. И теперь, в самом деле, никого не было. Была только Нидж и её мёртвый взгляд. Поднявшись и посмотрев в окно, Марк не нашёл во дворе машины, а в шубке Нидж не нашёл ключ-карты. Он тяжело вздохнул, поднял шубку и накинул её Нидж на плечи. Встать на ноги она почему-то не могла, а каждый раз, как Марк пытался её поднять, Нидж противилась, тянулась обратно и тряслась. С кармана шубки она вынула припрятанную сигарету, оттуда же зажигалку и, подпалив кончик скомканной сигареты, начала делать редкие затяжки, словно это было последнее действие, которое она помнила (или пыталась вспомнить) от себя прежней.

Марк молча наблюдал за тем, как она заторможено делает затяжки с перерывами в целую минуту, но не стряхивает пепел.

Часть 2. Холерик

9

С того дня его чувства обострились. Сам он знал об этом совершенно ясно и ни секунды себя не обманывал: *его чувства, мироощущение и даже повадки переменились*. Такие перепады, как у него, обычно случаются у тяжело зависимых от чего-нибудь людей, когда этого чего-нибудь перестаёт хватать. Лично он свои перемены заметил одной странной ночью.

Пульсирующие полосы света рассекали на сотню осколков ту часть города, который он перед собой видел единственным уцелевшим глазом. И тот глаз ослепляли всплески рекламных прожекторов, отражаемых "птицами". Его томные шаги высекали искры на асфальте, и та малая часть людей, что ещё не спит, боялись и сторонились, проходя мимо. Всё это – частичная слепота и глупые люди вокруг – его раздражало до безумия. Он лишь хотел не сливаться с толпой, но миновали его без лишних взглядов только "земляки", потому что принимали за своего.

"MARK, Mark, mark, MaRk, mArK, – загремело в голове, и, переходя переулок, он чуть было не навалился на кирпичную стену. – Тебе подходит это имя..."

Переулок был узеньким, но, вообще, таким не задумывался. В начале своего существования он и вовсе считался чересчур широким, чтобы называться "переулком", но хозяин этой земли, видимо, был настолько жадным ублюдком, что каждый кирпичик отдал на растерзание предпринимателям, жаждущим дешёвой рекламы. От этого всего весь периметр одной из стен был забит кронштейнами с вывесками. Другая стена переулка была вся изукрашена граффити, но не имела рекламы. О её отсутствии лично позаботился владелец "Sophie Hostel" – одной печально известной гостиницы, где на днях было совершено "убийство по неосторожности" (так было запротokolировано в материалах дела). Розовая вывеска гостиницы трещит и искрит (устаревшая проводка так напоминает о себе), и ей становится всё труднее закрывать отпечатки прежнего названия – такого же, но на другом языке. Эта несчастная гостиница была с позором скрыта в мёртвом переулке, как какой-то жалкий отголосок прошлого, и единственная в районе оказалась лишена неоновых огней, вынужденная довольствоваться вывеской, доживающей свои последние деньки. Перегорит вывеска – закончится и история "Sophie Hostel", потому что никто это место не заметит.

Марк из жалости уделил внимание этой вывеске на пару секунд. Собственно, как он мог пройти мимо места, откуда выносил труп своего единственного подозреваемого? Но быстро он переключился на другое, на то единственное, что действительно хотело жить в этом переулке. Сквозь кривой асфальт пробивался росток. Смотря на него, Марк даже начинал думать, что ненависть прошла, и он снова хочет, чтобы жизнь лилась своим чередом, а он в ней помалкивал. Чувство это ещё могло остаться, но росток задавил чей-то лакированный ботинок, и его бутончик отпустил свои последние соки.

Марк снова взъелся, и всё вокруг него начало двоиться. Ему показалось, что у человека, раздавившего росток, было четыре ноги, обутые в одинаковые берцы, два туловища в одинаковых майках и четыре руки, по две на каждое туловище. Голова почему-то была одна – видимо, двоиться перестало в тот самый момент, когда Марк поднял взгляд с концами. Противное лицо глядело на него сквозь моно-очки и натягивало надменную улыбку.

– Чё, заглянул, а? – спросил гопник, распустив руки.

Тогда-то странности и начались. Марк почувствовал лёгкий толчок во взывшую грудь, и этого было достаточно, чтобы позволить себе ударить противного человека в лицо, поделив его очки на две равные части. Он знал (и ни капли этого не стыдился), что очень ждал нападки гопника и радовался ей, а если бы не дождался её, то немедленно бы начал его провоцировать. Марк хотел оставаться тем, кто "просто обороняется", однако допускал ещё и то, что с радостью избил бы его без ведомой причины. Гопник же отскочил, схватившись за нос, и отстегнул кнопку кобуры второй рукой. Клинок хрустнул, и от его рукояти пронеслось по всему лезвию

несколько электрических полос. Гопник выставил руку вперёд и трусливо покромсал воздух несколько раз, пока не получил в грудь металлическим кулаком. Клинок вывалился из рук и погас, и в последний раз в этом переулке прохрустел не он, а рёбра его владельца.

Он слёг на затоптанном своей же ногой ростке. Куски асфальта, которые удалось надломить ростку, когда тот пробился наружу, раскромсали гопнику всю спину. Он выл от боли и разок отхаркнул кровью, перевалившись на бок. Марк подступил ближе. Сопоставив все факты, от вычурного уличного наряда до ношения электрического клинка, он посчитал, что этот парень был явно ничем не лучше тех фанатиков, что убили солиста J'я, и тех активистов, что дотащили Марка до свалки. Возможно, этот гопник даже примыкал к этим шайкам, и этот факт Марка обрадовал. Теперь его руки были развязаны.

Марк пригнулся над гопником, стянул с него раздражающие моно-очки и надавил ему на кадык, для удобства присев на одно колено. Ему казалось, что, даже не будь этого конкретного гопника в эпицентре передряги на концерте, он априори виноват в том, что там произошло. Просто потому, что он состоит в этой шайке. Не будь он в той передряге, точно бывал в другой, и возможно, куда жёстче. Но полные незнания глаза гопника не врали: он, действительно, не понимал, что сейчас происходит. Но Марк продолжал себя накручивать. Сейчас началось с какого-то жалкого наркомата, а дальше? Старик, женщина, ребёнок? Эти мысли служили топливом его гневу, а он любил свой гнев, он желал его, и продолжал вызывать его. Но, перебивая вой в груди, он медленно ослабляет хватку и задумывается, имеет ли даже самый, самый живой человек право на самосуд? И внезапно что-то внутри него оказывается сильнее. Своё следующее решение он не принимал, а просто стёр из памяти минутную рефлексия – и снова надавил человеку на горло.

Научно-исследовательский корпус «Дозора» был для Марка домом (пусть, далеко не самым любимым), а кабинет, названный «Экстренной перепрограммировкой» – практически личной комнатой. Доктор, Инженер и Ассистент – братьями, настоящих имён которых не знал. Томограф – бездной из байки, куда не при каких обстоятельствах нельзя лезть, а то, как заверяли безымянные братья, «по кусочкам растащит, и не заметишь». Нидж пролежала в бездне полчаса и ещё столько же на люмбальной пункции. Ещё какое-то время её проверяли через хорошо знакомый Марку электроэнцефалограф. Электроды, соединённые с монитором, обволакивали голову Нидж. Доктор и Ассистент пристально следили за волнами. После всех процедур, её укатали на носилках в полнейшем невменозе. Инстинктивно разглаживая места, где ремни от кушетки оставили отпечатки, она лежала с закатанными глазами и неестественно завёрнутой вверх головой.

– Ахренеть... – медленно протянул Доктор, раскручивая двумя пальцами объёмную голограмму мозга. – Я думал, разработку нанороботов давно прикрыли.

– Нанороботов? – переспросил Марк, и этот же вопрос повторил Ассистент.

– Ага. Вы, ребята, своим крохотным расследованием вышли на кое-что покруче.

– На незаконное распространение нанороботов?

– Да хрен бы с распространением! – выругался Доктор, вздёрнув рукой, и голограмма погасла. – Их кто-то ещё и производит, оптимизирует и программирует на антиобщественный лад. То, что сделали с Нидж, не обычный гипноз, а реконфигурация нейронных связей. Нанороботы перехватывают её языковые функции и подменяют мысли готовыми догмами культа.

Марк, заикнув взгляд на бейджике Доктора, где только должность и была написана, выдержал недолгую паузу, потупил несколько секунд и, прямо перед тем как попросить сформулировать мысль попроще, словил себя на том, что всё понял. Но почему-то Доктор был уверен в обратном:

– Короче говоря, они не просто её контролируют, а полностью перестраивают личность.

– Да понял я, – сказал Марк, дёрнув плечами. – И как ей помочь?

– Для начала, хотя бы извлечь эти штуки из её черепушки. И на всякий, проверить, не пробрались ли они ещё куда.

– И что вы будете делать?

– Пока введём ей ферромагнитную сыворотку, чтобы нанороботы притянулись к частицам. Проведём магнитную стимуляцию. Ну, напоследок, стандартную иммунотерапию. Процесс, конечно, не из дешёвых. Как будто проще убить, – и Доктор рассмеялся.

Ассистент, стоя позади, стал также надрывать живот, а Инженер, хихикнув разок, продолжил пялиться в увлечший его монитор. Глаза Доктора покрылись пеленой, и очень быстро крохотные капельки соскочили на Марка, когда он резко притянул его к себе, грубо обхватив за затылок. Ни слова не сказав, Марк глубоко вдохнул и протяжно выдохнул, пустив из горла мощные клубы пара. Доктор раскашлялся, и Марк оттолкнул его подальше. Испуганно вытаращив глаза, Доктор бегло оглядел его, пока старался нащупать на столе планшет.

– Пройди-ка этот тест, – задрезжал голосок Доктора, а голова его свисла.

Руки Доктора во всю вытянулись и в приступе трясучки старались удержать планшет, предназначенный для Марка. Но он не просто отказывался его брать, а даже не посмотрел ни на Доктора, ни на планшет, будто сам факт того, что они пребывают в одном помещении, Марка оскорблял.

– Холерик, – озвучил он заранее результаты грядущего тестирования.

– А вчера был?..

– Флегматиком.

– Какой резкий переход... И как часто происходят изменения?

Марк промолчал. Ему, вообще, все эти допросы были невозможны, и даже притворяться не приходилось, чтобы обидеться на Доктора с планшетом в руках. Такие моменты ему напоминали о том, почему ни человеком ни роботом его не обозвать. Его мозг слишком искусственен для человека, но чересчур несовершенен для робота. Выращенный в стеклянной колбе, он начинался как набор связанных между собой нейронов, взятых у доноров (на добровольно-принудительной основе, чаще всего это были политзаключённые или приговорённые к смертной казни) с контрастирующими чертами характера. От биохимических различий, нейронные ансамбли периодически скачут, вызывая резкие смены психических и духовных свойств, при этом, оставляя личность прежней.

– Эти нанороботы не имеют никаких опознавательных знаков. Ни товарного знака, ни QR-кода... – вмешался Инженер, рассматривая макет робота. – Нужно составить протокол и передать начальству.

– Это уже не наша забота, – сказал Доктор. – Передавай информацию юристам.

Марк попрощался с братьями грубым хлопком по сканеру отпечатка ладони, и дверь за ним захлопнулась. На стенах широкого коридора висели сотни живых картин одного человека. Это не художник грамотно изобразил его вездесущую натуру; этот человек сам наблюдает. Глаза на картине – его глаза, как и плоть, нос, рот и плечистый серый пиджак, шире его самого в полтора раза, застёгнутый на все пуговицы. Вид его лысой головы, лишённой как бровей, так и любой другой растительности на лице, внушала здесь страх и ужас любому. Неофициальным правилом было улыбочиво смотреть на портрет и покидать коридор, лишь когда увидишь ответную улыбку. Но Марк, становясь холериком, это правило игнорировал и блуждал по коридору, сопровождаемый недовольными взглядами картин. С каждой картиной, взгляд становился только злее. А Марк всё шёл с мыслью о том, что негласное правило соблюдать он не может чисто физически. Ещё он вспоминал о том, что случилось на днях. И, в конце концов, Марк очень громко шагал, так, чтобы эти лошадиные цоканья звенели в голове и не напоминали о минувшем дне. Его холерик не мог смириться с одним фактом: то, что он увидел в квартире Пола, когда был в отключке, его до чёртиков напугало, и будет пугать дальше, независимо от темперамента.

Так он добрёл до кабинета Начальника и убедился в том, что лица с нарастающим недовольством полностью совпадают с действительностью.

– Когда хлеборезку мне мобильную сделаешь, хоть лицом родной дочки тебе улыбаться буду, – сказал Марк, сославшись на его недовольный вид, и завалился в кресло напротив. – Может, хоть так одумаешься и заберёшь её обратно.

Марк сложил тяжёлые ноги на стеклянный стол, разделяющий их с Начальником, и понял по его лицу, что на разговоры о взаимоотношениях детей и родителей времени не было. Начальник молчал, чем занимался практически всегда. Делал он это в своей особенной манере, сложив пальцы домиком и натянув кожу на тощей шее задранной вверх головой.

– Ты вообще понимаешь мои намёки? Девчонкой должен заниматься отец. Не пробирочные головорезы, а?!

– Ей небезопасно со мной, – сказал Начальник в той же позе.

– А мне небезопасно с ней! – вскочил Марк. – Мелюзка одним взглядом мужика убила! А со мной что будет?!

– Никак не смиришься, что ты – не человек? Имя себе дал, зная, что никто тебя с ним не примет. Дышишь через каждую секунду, хотя эта функция не для того тебе была дана. Тем, что косишь под человека, ты просто напрасно качаешь правительственные деньги. Напрасно для себя самого. Ты – тот, кем тебя задумывали, и задумывали тебя точно не человеком... – Начальник примолк, но напоследок взъелся: – И глаз себе поменяй, позорище...

В словах Начальника всегда было пугающее спокойствие, настолько одинаковое и неизменное, что его самого человеком назвать не получится. О его сущности, в целом, говорить было не принято не только в пределах конторы, но и всей планеты, хотя бы для собственной безопасности. Но стоит признать, к Марку он относился по-особенному, ведь ему (и только ему, среди множества подчинённых) он мог высказать свои личные недовольства. Вернее, только те недовольства, что касаются лично Марка. Отчитав его за мелочи, вроде непозволительности дыхания в повседневной жизни и без особой надобности, Начальник перешёл к делам поважнее. Он предъявил ему за утрату служебной машины, за утрату собственной руки (которую, конечно, быстро вставили обратно, но ведь это тоже деньги!) и, в конце концов, за то, что произошло с Нидж. Короче говоря, все его претензии были направлены на то, что Марк с Нидж обходятся правительству очень дорого, и такими темпами их забракуют. Закончив, Начальник опустил голову и сложил руки на стол. Марк глубоко вздохнул, вероятно, с большим пренебрежением к правительственным деньгам.

Нидж осталось жить 19 лет. Каждое утро ей напоминал об этом своеобразный красный календарик, транслируемый проектором. С самого детства она знала, что умрёт, не дотянув до полтинника пары лет, и со временем научилась с тихим равнодушием осознавать это, а не думать каждую свободную секунду. Календарь не называл конкретных дат, а расстилал на стене красный квадрат в узкую клеточку. Раз в сутки одна из клеточек – причём, абсолютно случайная – гасла, и в данный момент на стене был кривой и рваный, перегоревший чуть больше, чем на половину, красный квадрат. Нидж никогда не рассказывала, от кого ей передан алгоритм судьбы, и поэтому, в связи с минувшими событиями, Марк эпизодично засомневался в ней и даже заподозрил куда более глубокую связь её или её родни с «Детьми воды».

Марк о своей судьбе не знал. Не потому что роботизирован (ведь даже машины знали, когда выйдут из строя), а потому что слеплен из уже свершившихся судеб. Страх перед неизвестностью стал пережитком прошлого, и издевательски преследует одного лишь Марка, как призрак тешится над медиумом. Но, даже привыкнув к раскладу вечных неожиданностей, даже найдя в этой неизвестности некое азартное веселье, он страшился загадочного видения. Он старался забыть о нём, когда выковыривал пальцем ослепший глаз и держал наготове запасной,

но голос его навязчиво преследовал (на сей раз, он просто выдумывал его), и все инструменты валились из рук.

– Ай! С-с-с!.. – зашипел Марк от фантомной боли, как только разбитый глаз оказался между пальцев.

Крохотную квартирку Нидж, где чалился Марк, охранял только непородистый кот, и ей было совершенно наплевать на его полнейшую наготу с редкими клочками шерсти, отсутствие когтей (что делало его совершенно беспомощным) и клеймо с ценником на ухе. Но, со всей своей беспомощностью, Мэс был хозяином этого дома. Он с сердитым видом следил за всем домом, а своим персональным тронem считал подлокотник широкой кровати. Сама кровать ему почему-то не так нравилась, и чалился он на ней, лишь когда Нидж включала подогрев. Над кроватью стоял проектор, выводящий на стену тот самый календарь.

– Чё смотришь, мелюзга? – спросил Марк.

Кот взбудоражено оглядел металлическую тушу в широких строительных штанах на подтяжках, которые использовал как домашние. Мэс смотрел так каждый раз, ведь туша то и дело давала ей новые клички, от ласкового «малыша» до того, что слышит сейчас. В знак примирения, Марк кинул ему свой извлечённый глаз, и кот забегал по всей комнате, скользя по паласу.

В квартире с панорамным окном на мегаполис темнота никогда не наступит. Днём палит солнце, ночью слепят рекламные огни. Ночью, и вовсе, становится только хуже. Солнце высушивает изнутри, и скрыться от него реально. Но, даже когда решётчатые занавески по щелчку закрывают вид, голоса из рекламы продолжают перекрикивать друг друга, соревнуясь, у кого слоган оригинальнее.

«PeaceAndQuiet – ваш личный оазис тишины! – в какой-то момент, громче всех остальных, сладко-маскулинно заговорил актёр по кличке Zir0n, лицо бренда наушников. – Только вы и ваша музыка. Ничего более...»

Марк посмотрел в окно, чем-то обозлённый на Зирона. В конце Зирон, на удивление, очень естественный для современного человека и обделённый имплантами, делал свой фирменный жест. А ничего особенного в жесте не было. Он уводил голову вбок, улыбался во все тридцать два и приставлял три пальца к шее, туда, где обычно считывают пульс. Пальцы у Зирона были до ужаса тонкие, и это почему-то нравилось женщинам. Руки-то у него, и впрямь, были красивы, но эти пальцы были попросту нелепы. Он с надменной рожей прижимал их к шее с такой гордостью, что сомнений в том, что их действительно считали привилегией, не оставалось. Но сам факт. Для любого здравомыслящего человека, пальцы эти были ужасны.

Слово «оазис» Зирон говорил так выразительно и напыщенно, словно накидывал кубики сахара в ужасно приторную газировку, отчего поломанные аудиосенсоры Марка невыносимо закрипели. Плавno переходя к голове, на лицо стал давить образ трёх палочных пальцев, прижатых к шее. По ушам бьют кувалдами с двух сторон, а в лицо въезжает самосвал. Другого сравнения и не придумать. И всё это сопровождалось очередной фантомной болью.

10

Думаете, будущее развило в нас толерантность? Бред! Для создания моего мозга, какие-то нейроны были взяты у одного молодого парня: был он конченным отморозком, и удивительно, почему вообще он сел в тюрьму так поздно. Он жил в стране, где э ну, в общем, закон о мужеложестве там был. Типа, вот, с мужиком спишь – либо тюрьма, либо дурка. В дурке с ними чё только не делали. От престарелой шокотерапии до пичканья нанороботами. Их, кстати, примерно в то время и запретили, ведь создавали, так-то, вообще не для этого.

И этот парень, значит, встречался с девушкой. Всё хорошо у них, знакомство с родителями, предложение руки и сердца, прочее И вот, подошёл черёд знакомиться с братом девушки. А он, ну, гей! Чё вы думаете? Парень этот похитил брата своей девушки, вместе с его голубком, и расчленил обоих... а останки, дурак, по пакетам разложил и под матрас бросил. А знаете, как правда вскрылась? Девушка, бедная, проснулась посреди ночи и учуяла запах стейка из собственного брата...

Пу-пу-пу-у...

И вот я понять не могу, какая, бляха, толерантность? Все о ней говорят, но нигде её нет. Вы даже людей с другим цветом волос принимать не научились, ха! Толерантность они захотели Ху-у

Парня оправдали, кстати. В суде сказали, «выполнил гражданский долг».

20 сентября 2099 г.

ЗАПИСЬ ОБРЫВАЕТСЯ

Это был первый год жизни Марка. Двадцатого сентября того года он впервые ощутил у себя маниакальные черты, и Доктор, Инженер и Ассистент пришли к выводу, что у него проявились черты холерика. Запись, по всем канонам (которые сейчас соблюдать не принято и позорно), сопровождалась помехами и резкими вздёргиваниями. Всё потому, что этот видеодневник записывал дрон, которого Марк покоцал в тот день, лишив функции стабилизации.

– Да не я это! – завёлся Марк, скинул планшет со стола, и тот рассыпался на кучу стеклянных ошмётков, к которым потянулся робот-пылесос.

Он много думал о том парне, которому не повезло оказаться в ненужный момент рядом с «Sophie Hostel». Марк помнил всё: каждое своё движение и каждый удар, ему адресованный, сразу после конца недолгих раздумий о том, стоит ли это делать. Помнил, как этот гопник просил о пощаде и звал на помощь, а Марк не сбавлял темп. Ему и самому не доставляло это удовольствия, ведь за каждым ударом он выпытывал из парня ответы на вопросы, о которых знать не знал. Допрос был бесполезен, но в процессе Марку до того снесло голову, что он перестал это осознавать. Он спрашивал у него, где остальная его шайка фанатиков-активистов, а когда не слышал ответа, начинал глядеть на его ноги, и в глазу снова начинало двоиться. Тогда, видя четыре ноги вместо двух, он вспоминал Тарангула Мэла и вкладывал в удары больше силы, крича: «Что?! Больно?! Тварь! А давай я тебе ещё руку вырву!» Опомнился он в тот самый момент, когда оставался один удар до смерти гопника. Он встал с него, проехался ладонью по лицу, и та оказалась запачкана кровью. Марк скрылся без объяснений, а в переулок залетел «земляк» и навис над пострадавшим, сигналом вызывая помощь.

Марк громко шикнул, набрав воздуха в искусственную грудь (в тот момент он вспомнил о Начальнике), и комнату накрыло туманом. Он разлёгся на полу, в идеально подходящем ему пространстве между кроватью и комодом, и позвал Кали. Настольная станция замигала зелёным и приветственным звуком показала готовность к работе.

– Последние новости о «Детях воды», – а недолго повалявшись, прикрикнул: – Попытайся обойтись без новостей о продолжении их деятельности.

Корпус станции поделится на две равные части, и с обеих полились синие лучи, накаляющие между ними крошечный сгусток энергии. Излучающий ослепительное количество света комочек направил часть себя на голую стену, перекрыв календарь, и заполнил её вырезкой новостной статьи.

– Издание «G-NEWS» сообщает, – заговорила Кали, – «Скандально известная экспериментальная программа «Дозор» оказалась в центре очередного скандала», – тавтология проехала Марку по ушам, – Мне проанализировать статью и рассказать основные тезисы?

– Какого скандала?

Во второй раз за день Марк услышал рассказ о всё тех же событиях, но что в рассказе Начальника, что в новостях упускается неприятный инцидент с Лизой. Кали, очень подробно всё пересказав, предложила проанализировать ситуацию и предположить, что дальше будет с делом Марка и Нидж. Но Марк предпочёл оставаться в привычной и даже полюбившейся нестабильности.

– Нет, – сказал он и подумал. – Кали, кто такая Ги-Нэа?

– Информации по вашему запросу не найдено. Вы, вероятно, очень устали, – заговорила она вдруг жалостливо. – За последние дни многое навалилось. Вам требуется отдых. Хотите расслабляющей музыки?

Уравняв свои права, люди с роботами так и не достигли взаимопонимания. И дело не столько в тихой, но очень злой терпимости, распространённая зачастую в людских кругах, сколько в полнейшем непонимании психологии друг друга. Люди, в целом, по-прежнему не верят в существование какой-либо психологии у роботов. А роботы так и не научились грамотно ускользать от вопроса, не вызывая подозрений. Кали, конечно, и была дурочкой в мире машин из-за устаревшей прошивки, но, на её месте, так ускользнул бы каждый робот.

– Что ж, тогда я сам узнаю.

Марк расправил ладонь, и, щёлкнув, его фаланга раскололась на две половинки. Из места раскола медленно потянулся утончённый металлический стержень с лёгким шипящим звуком. Когда он выправился полностью, Марк с жертвенным видом приставил кончик стержня к глазу, а второй рукой на этот глаз нажал, отсоединив его от магнита. Глаз отскочил, не вываливаясь из орбиты, и висел, как оставленная на горлышке крышка открытой бутылки.

– Кали, – спрашивает Марк в последний раз, скорее, в шутку, – когда запретили лоботомию?

Он проткнул прутом отверстие между глазом и глазницей и не застал объяснений Кали. Слова её медленно растворялись в бездне, куда он медленно проваливался. Все ощущения, все эти дёрганья и судороги, накрывшие полумёртвую металлическую грудку в реальности, здесь соединились в голове, оставив тело в лёгкой невесомости. И он снова видит Фигуру.

«Дурак, – говорит она тем же голосом, что и раньше. – Просто знай, что ты видишь меня сейчас, лишь из моей к тебе жалости».

11

Если пройти одну бетонную трущобу, что выпадает из мира привычного мегаполиса, сразу при повороте воткнёшься носом в стеклянную арку, но прожектор над ней заливает всё стекло красным светом в полосу, а вход перекрыт лентой по образу и подобию голограммы. Закрыто без объяснения причин. Арку стоит обойти стороной и пойти вдоль здания, к которому она прикована. Так попадаешь в трущобу попримечнее, что хотя бы соблюдает традицию города – никогда не погружаться в темноту. Залитая токсичным зелёным цветом, трущоба ведёт вдоль решетчатого забора, поросшего травой, с одной стороны, и закрытых ларёчных жалюзи – с другой. Жалюзи заканчиваются, остаётся дверь. Что за ней находится, никто и никогда не задумывался. Электроустановка это или притон – всем, по большому счёту, по барабану. Не плевать на эту дверь лишь тем, кто к ней как-то да причастен. Какой-то человек очень нервно водит пальцем по сканеру этой двери и выдыхает, когда система его считывает и выпускает в свою обитель. Последний пепел стряхивается и оголяет почерневший фильтр, и тогда, бросив окурок и притоптав каблуком, Загадочный человек проходит.

Там, миновав короткий лестничный пролёт, Человек старается аккуратничать, пока шагает по коридору, и не учитывает одного: эхо от цоканья его стильных каблучков стелится по всему пространству. Загадочный человек находит нужную дверь среди множества, стучится, и та сдвигается в эту же секунду, а его слепит свет, противоположный токсичному. Галстук его повисает в воздухе на тоненьком женском пальце.

Минут через десять Загадочный человек ходит по комнате и собирает раскиданные по комнате шмотки. Девушка позади него наощупь старается засунуть стик в свой розовый «айкос», пока разглядывает его волосатую задницу.

– Знаешь, – заговорил Загадочный Человек, натягивая трусы, – я ведь сильно рискую, когда захожу сюда. Мы могли бы хоть как-то разнообразить наш досуг в этой комнате.

– Это ты что имеешь ввиду?

Загадочный Человек повернулся к ней, потупил пару секунд, как бы упуская очевидно уместное «Ну-у-у...», и пошевелил языком за щекой.

– О, нет, прости! – вскинула она руки. – Я таким занимаюсь только с теми, чьи имена знаю.

– Ну, не надо, не надо! – завопил он. – Ты прекрасно знаешь, что я не могу тебе его разглашать! Хоть представляешь, во что это выльется?! И сама ты, знаешь ли, спустя пару наших встреч не удосужилась мне представиться!

– Нидж. N-I-J. А тебя как?

Помимо имени, Нидж могла подкинуть бонусом и один интересный факт о себе: она просто ненавидит истеричных мужчин. Безымянных – тем более.

Он буркнул что-то в потолок и продолжил одеваться. Нидж занялась этим уже где-то за кадром, и когда Загадочный Человек обернулся в надежде оценить ещё раз её идеальную во всех смыслах фигуру, уже было поздно. Загадочный Человек смог теперь оценить лишь то, что с пылкой жадой стягивал пятнадцатью минутами ранее, и ещё стопы, на которые она не успела натянуть гольфы.

– Стены, обитые тканью. В них люди, побитые жизнью, – напевала Нидж себе под нос, пока неуклюже прыгала на одной ноге и расправляла гольф.

Чтобы описать комнату, где она лежит, большего и не нужно. Эта строчка и так всё описывала, и даже весьма подробно для такого-то местечка. Если углубляться в детали, Нидж не хватило фантазии лишь для описания неприлично маленьких размеров комнаты, в какие даже страшнейшего убийцу засадить – надругательство над правами человека. Рутину комнаты в своей псевдопоэме она пыталась описать, но сводила всё к глуповатым прибауткам и

гнала прочь скользящие воспоминания о том, как эти самые обитые тканью стены испарала в первые дни реабилитации до крови под ногтями. Рассудок-то её оставался на месте, и Нидж прекрасно понимала, почему здесь находится – точнее, стала понимать после пары сеансов терапии, – но каждый раз спрашивала сама себя, на кой хрен ей, и без того поехавшей кукухой, выделили комнату в только одном цвете. Мне здесь, мол, что, рассудок вернуть хотят или добить?! А может, правду говорят, что психи – вовсе не психи, а мир глубже видят, и этими одноцветными комнатами гонят их обратно в рамки? Так это не терапия, а гипноз какой-то...

– Сама придумала? – спросил Загадочный Человек.

– Ага.

Нидж издала хриплый и очень болезненный смешок, погладив побритую голову. Иногда она касалась пальцами шва, что ровной линией протягивался от затылка до самой макушки, и издавала куда более жуткие звуки. Потом глянула в раскладное зеркало, что принёс Загадочный Человек по её просьбе, и ещё раз прошлась ладонью по тёмным колючкам.

– Уже и забыла, какой у меня натуральный цвет... – разоткровенничалась она ни с того ни с сего.

И посмотрела на Загадочного Человека. На его острое треугольное лицо, заросшее каменной щетиной. Спустилась ниже. На жилистую шею с кулончиком. Помятую рубашку, пропахшую женщиной. Брюки на подтяжках. И, в действительности, модные туфли на высоком каблуке и, на первый взгляд, совершенно не мужские, но стиль имеющие. В общем, стиль у него был очень древний, хотя и сложно отрицать, что все эти лохмотья было приятно снимать. А сам Загадочный Человек пахивал старой машиной, той, что появились ещё во времена грёз о летающих автомобилях.

Сигналом о его намерении открыть дверь всегда была сигарета, засунутая за трижды проколотое ухо. Тогда Нидж и подскочила, дошагала на цыпочках, встала перед ним и элегантно забегала пальцами по пуговицам на его пальтишке.

– Ты ведь сам должен понимать, я девушка приличная, – сказала она, – и на такой шаг пойду только ради мужчины, который не расскажет мне о свёрнутых горах и их опасности, а принесёт мне и положит в мои хрупкие ладошки.

Издевается, догадывался Человек; прекрасно знал, что издевается, но желание переспать с молодой хорошенькой девчонкой так овладели сознанием, что это он спокойно проглотил и, ещё чуть-чуть, встал бы на колени в эту же секунду, загавкал бы и слушал указания. Но Нидж не придумала ничего. Она вообще не знала, что сподвигло её рвануться к нему перед самым уходом.

– В общем... – замялась Нидж. – Давай. Пока, – и шлёпнула его по плечу.

И он ушёл, кивнув. Когда дверь закрылась, она потопала к койке с недовольным видом, очень громко фырчала и шёпотом перечисляла всё, что на ум приходило:

– Мерзость... – и последующие синонимы.

Нидж прикинула, что проделала свой дневной маршрут: дошла от койки до двери, чтобы встретить гостя; уже на руках этого гостя добралась обратно до кровати; встала с неё, чтобы гостя проводить – и, лениво переваливаясь с ноги на ногу, пьяной походкой побрела обратно. Пока шла, она достала из кармана коротеньких шорт флешку, что передавал гость. Нидж её покрутила в руках и, в недоумении хмыкнув в ту же секунду, заметила сбоку крохотное колёсико и кнопку паузы рядом. Для аудиозаписи, значит. А уже лёжа, она с мучительным стоном лениво прогнулась в спине, дотянулась до usb-гнезда в стене и вставила флешку. Та сразу замигала синим и запищала. Только потом запись проигралась:

«Итак! – в этом голосе Нидж легко узнала Инженера; значит, голова ещё на месте. – Введение. В ночь на двадцать первое сентября 2103 года в лабораторию был доставлен экстренной службой Объект 2 (далее – Объект), – Нидж дрогнула; не столько от волнения за напарника, сколько от чистого любопытства, потому что больно медленно доходят новости

из внешнего мира в эту чёртову белую комнату, – после самостоятельного вмешательства в работу собственной конструкции путём использования встроенного металлического стержня и устаревшего метода медицины. Цели Объекта не выявлены. В результате инцидента были повреждены оптические сенсоры и нарушена работоспособность мозга. В дальнейшем будет проведена серия операций с целью масштабного изменения конструкции. Конец введения». Запись почему-то продолжилась. На ней Инженер громко кашлял и, судя по звукам, схожим с першением в горле, метался из стороны в сторону. Ещё как-то очень взволнованно бурчал себе под нос, в основном, очень тихо, но моментами прямо-таки воспевал собственные дифирамбы. Он гаркал в потолок, когда что-то не складывалось, и поражался собственной гениальности, когда складывалось отлично. И только он понимал, что «получалось отлично», а от чего стоит гаркать.

– Что-что он сделал? – вскочила Нидж с опозданием.

Она с уже большим энтузиазмом затыкала всё, что только тыкалось на этой чёртовой флешке, но та ничего нового не грузила, и Нидж вырвала её из гнезда и кинула в стену. Дыхание участилось, и заметив это, она скрестила руки и представила себя мёртвой. Минут через пять так вжилась в роль, что перестала дышать, и закашляла, когда поняла это. Сплюнув на пол, она легла и, на этот раз, представила себя живой, да настолько, что родилась года четыре назад. Комната с приглушённым светом и запахом топлёного молока. Она там лежит, без причины улыбается и виляет крохотными ручками. Старается подпевать какую-то детскую песню, но не может. Слабые молочные зубы не дают ей выговорить букв. А ложбины между этими зубами такие, что иногда в них просто застревает язык. Нидж всё это воображает, но в реальности не может протиснуться в щёлки между зубов. Их нет. Зубы крепкие и тесно прижаты друг к другу, а она может без труда сказать букву «Р». Иллюзия рушится. Нидж пробует ещё раз.

– Ку-ку! – приходит отец и целует детскую ладошку.

12

– Напрасно меня жалеть! – вскочил Марк, но уже лёжа на столе под стерильным светом. Вокруг столпились Доктор, Ассистент и Инженер. От неожиданности, Марк дёрнул рукой и прошёлся поломанным стержнем, торчащим из пальца, Доктору по халату, разорвав его. Тот отскочил назад и зашипел.

– Жалеть тебя? – усмехнулся Ассистент, кинув в Доктора тряпку. – Да мы чуть со смеху не подошли, когда увидели эту убогую картину! – говорил он, по началу, очень сдержанно, но резко повышал голос, когда договаривал слова. – Кусок стержня торчит в твоём глазу, а уродливый кот лезет под ноги и жрать просит. Думали сначала, кто-то проник в квартиру, но... ты превзошёл все ожидания.

"Что-то здесь не так...", подумал Марк. Скромняга Ассистент, который и пары слов не свяжет в решении бытового вопроса, вдруг так лихо заговорил, что Марку – ещё и холерику! – захотелось опустить голову и примолкнуть.

Братья толпились прямо над ним, так близко, что их комментарии сливались в общую неразбериху и эхом отзывались с выразительным ударом, похожим на звон металлических тарелок. Марк так и не разглядел троицу, но их голоса, мало того, ясно говорили об их присутствии, так ещё и не давали подумать хоть о чём-то другом. Их надоедливый гундёж не мог перебить даже тот бесполой голос, ради которого всё это и случилось. Разок они притихли, словно лишь ради того, чтобы голос беспрепятственно что-то донёс. Услышал Марк, по итогу, совершенно очевидную вещь, которую и сам знал. Голос сказал: "Твоё тело..." – мягко и сочувственно, даже испуганно, и испуг этот был адресован именно телу. Но ещё до того, как бесполой голос сказал это, Марк понял с самого пробуждения, что его тело – не такое, как раньше.

Когда словесный понос снаружи приутих, он подумал, что его пересобрали в пинбольный автомат. Ну вот, мол, скучно братьям стало, и они сделали из него штуку, которой в производстве уже нет лет эдак пятьдесят. И первую минуту нахождения в сознании, эта мысль казалась ему очень даже разумной.

Как только полились нескончаемые фразы братьев, игра началась. Пружина выбивает металлический шарик на поле, и он бьётся обо всё, на что только напорится, постепенно скачиваясь в лунку. Рожки на его висках сделали флипперами, отбивающими шарик каждые несколько секунд, а Марк слышит этот странный звук биения, и он страшно его раздражает. Всё это могло значить, что из него забыли вытащить аудиосенсоры, но он слышал слишком чётко, а значит, их даже починили и намеренно оставили – поиздеваться захотели. И видит он двумя абсолютно целыми глазами, наверное, чтобы вдоволь наслаждаться азартными рожами, нависающими над ним. Но потом хваленую стерильность лаборатории приглушил тусклый комнатный свет, а голоса братьев стихли – игра окончена. И говорит с Марком вовсе не Ассистент, и растирает тряпкой тонкий порез на брюхе – не Доктор. Это был один человек. Он распылял вдоль раны быстродействующий антисептик и кричал:

– Щипит! Щипит! – совсем как ребёнок.

Низко сгибаясь, как обычный человек не способен, он дул на засыхающую царапину и скакал по комнате, крича одно и то же. Привыкнув к новым глазам, которые почему-то расширяют обзор, когда стараешься прищуриться, Марк разглядел кого-то равного себе по габаритам, но сотворённого из плоти и крови. Это был очень молодой, с виду, парень, тянущий лет на пятнадцать. И пускай его детское лицо никак не стыковалось с совершенным, широкоплечим телом под два метра – но лицо это было настолько глупым, что, не будь у него внушительного роста и груды мышц, давали бы и того меньше. Официально его звали Объектом-3, сам же он назвался Агапитом Фасулаки, именем первого философа XXII века. Он расхаживал по квартире Нидж, как по своей собственной, сюсюкался с котом и иногда с любопытством

поглядывал на Марка. С оголённым торсом, словно зная, что это его единственное преимущество, Агапит ходил босой и в чёрных джинсах с обвесом, спущенных так низко, что цветастая ляпка боксеров торчала и первой же бросалась в глаза.

– Ты меня помнишь хоть? – спросил Агапит и заглядывает в глаза связанному, беззащитно валяющимся на полу Марку.

– Помню.

– И я тебя помню, – улыбнулся Философ.

Марк помнит его совсем другим. В таком возрасте парни быстро растут, а последняя их встреча была года два назад. Марк точно не помнил, как именно, но, в действительности, в том тринадцатилетнем возрасте Агапит выглядел совершенно иначе. Но повадки Агапита не спутать ни с чем. Только поэтому Марк и узнал его: по невинной физиономии, скрывающей что-то очень страшное за дурацкой детской улыбкой, и широко раскрытым глазам, смотрящим на мир с большим интересом.

– А ты веришь в происходящее? – приставал Агапит.

– Механические глаза не видят галлюцинаций. Да, верю.

– Я был так рад вновь увидеться с тобой. И наша сегодняшняя встреча такая... такая сим-
воличная! – взмахнул он руками и проехался по полу. – Ты ведь понимаешь, почему, правда?

Марк покрутил головой. Электрическая леска обволакивала его руки и ноги. Пока Агапит разговаривал, он пытался вертеться – это было единственное сопротивление, которое он мог оказать. Эти смешные телодвижения спугнули Мэса, элегантно подошедшего к нему для того, чтобы обнюхать пахнущую гарью леску. И когда Марк, дрыгаясь, случайно оторвался от земли на секунду, как умирающая на суше рыба, то понял, что тело его стало куда легче и гибче прежнего.

– Не понимаешь? Ты ведь был холериком *тогда*.

– Ещё символизмы будут? – прокрихтел Марк, кувыркнувшись на живот.

Агапит прыгнул ему на спину и стал проминать каждый элемент его многослойной брони. Проталкивая ступню под накладки того же медного цвета, он буквально танцевал пальцами ног на внутренностях Марка. Потом водил ногой от плеча до талии, как будто скатываясь по спуску. Перейдя к голове, он прошёлся большим пальцем по одной из антенн.

– Опять не понимаешь? – и он соскочил с него на пол. – Ну, ты же детектив! Это Нидж за силу отвечает! А ты! Ты! Агр-х!

Рыкнув, философ пнул металлическую голову и зашипел от боли.

– Ты меня утомил своими тупыми загадками, – пробурчал Марк, переворачиваясь на спину. – Мне ли тебя учить, что у холерика доминируют эмоции, а не голова?

– Ты другой. Это-то заметил, я думаю, – вдруг, заговорил Агапит совершенно спокойно, прямо как образ Ассистента в момент пробуждения; и Марк понял, что эти слова ему не при-
снились. – Твоё тело потерпело некоторые изменения. Спасибо скажешь Инженеру, – он плюх-
нулся на диван, сделав кувырок назад, и смахнул со стены голограмму календаря. – Все были в ужасе, когда увидели, как ты решил проверить на себе медицину прошлого. Появился отлич-
ный повод тебя видоизменить. Процентом тридцать тела тебе снесли, а остальные семьдесят –
дополнили. Я во всём этом не секу. Но из того, что я понял, тебе поменяли строение части
скелета, чтобы сузить талию, и добавили больше точек артикуляции. Ещё антенны подлиннее
теперь; ты стал только больше напоминать мне демона. Инженер говорит, что ты теперь слы-
шишь какие-то сверхкрутые частоты, и простолюдины на них не способны.

– Ага.

– И я другой.

– Я вижу.

– Дослушай меня! И впредь никогда, никогда не смей перебивать!

И нависла пауза. Только Мэс ходил и просил жрать.

– Ну?

Агапит замолчал и опустил голову. Он вдавливал руки в диван и впивался пальцами в матрас. Просидев так некоторое время, он встал, отключил питание на электрических лесках и потащил Марка за собой, словно труп. Когда Агапит щёлкнул пальцами, проектор пробил в шершавой стене окно в операционную. Совершенно очевидно, это была видеозапись, однако долгое время кадр оставался статичным (впрочем, он не прекращал им быть и в дальнейшем), а картинка – неподвижной. По началу, Марка посетила мысль, что это и не видео вовсе, а простой снимок. Лишь потом засветился хирург и продолжил работу. Кадр был не из приятных. Женщина лежит на операционном столе, скованная ремнями. Камера снимала её сбоку; это был самый безопасный ракурс из всех возможных. Не так хорошо было видно её наполовину раскрытую черепушку, похожую на бутон цветка, насильно раскрытый до срока. В застывшем профиле этой женщины Марк разглядел Нидж. Агапит сидел с отвисшей челюстью и смотрел, не отрываясь.

– Видя эти кадры, – заговорил он, – тебе не хочется побыстрее расправиться с виновными?

Марк промолчал, но головы от Агапита не отвернул, и даже когда малец лупил в экран, он всё ещё глядел на него. Агапит, естественно, знал причину его негодования, но наблюдал за операцией Нидж, будто Марка рядом с ним не существовало.

Сколько Марк помнил Агапита, всегда, абсолютно всегда этот глупый мальчишка романтизировал их с Нидж отношения. Они были то любовниками, то связанными платонической любовью одиночками. Никогда в глазах Агапита не существовало порознь ни Марка, ни Нидж. Он постоянно их связывал. Напарников это, конечно же, раздражало, но, ссылаясь на возраст, они его прощали. Это не было проблемой. Но почему тогда Марк так на него смотрит? Дело всё в том, что Марк помнил прежнего Агапита до мельчайших деталей. Его худенькое тельце и умное лицо, в основном. Но помимо этого, Марк абсолютно был уверен в том, что два года назад Агапит умер. И теперь он сомневается, в действительности ли механические глаза не видят галлюцинаций?

13

Мужчина невысокого роста, с до одури добрым выражением лица и волосами, распущенными до плеч, держит на руках ребёнка. Не то сына, не то дочь – чёрт бы знал, ведь ребёнка запеленали до того, как вручили в руки мужчине. Ребёнок радуется и тянется крохотными ручками до пальца папаша. Тянутся, тянутся... Ребёнок тянулся вечно. Проекция уже погасла. А может, ребёнок и вовсе не шевелился, как и его папаша, а просто голограмму слегка потряхивало от тяжёлого дыхания Нидж. Она даже начинала понимать, почему комната, где её держат, была белой, а стены – глаже её ног; на такое пространство куда легче ложилась проекция Родильного дома 12, где началась когда-то её жизнь. С этой проекции и наступило «Доброе утро!», с которым пожаловала некая миниатюрная дама с чемоданом наперевес.

Теперь эта дама сидит напротив неё, а в её чемодане было не что иное, как проектор, который памятные для Нидж места и транслировал. Женщина, которая представилась Её Лечащим Врачом, была из тех нередких для Нидж людей, кто во всём её раздражал, и даже не всегда для этого нужна была причина. В основном, она примечала её волосы, которые были до того шелковистые, что Нидж уже была готова саму себя съесть, лишь бы сам вид этой женщины не напоминал ей о том, что на голове у неё остался только шрам. Итак, женщина убеждала Нидж в том, что пришла ей помочь и *поговорить о ней*, но уже спустя час диалог их зашёл в тупик. Все эти нарочито мягенькие разговоры о ненормальности Нидж так её утомили, что она стала много зевать, чем явно разгневала психологиню. Та стала говорить грубее и даже подмечать откровенные наряды своей пациентки, чего Нидж совершенно не ожидала, но это же вызвало в ней небывалый азарт.

– Вы думаете, откуда это всё? – взорвалась Нидж и демонстративно прошлась вспотевшими ладонями по леопардовой юбке и в завершении дёрнула пальцем сетчатый чулок. – Думаете, я не хочу одеваться как хорошенькая «clean girl»? Хочу, и ещё как! А зачем? Вы, вот, говорите, что я стелюсь под мужчин и откровенно намекаете, что я шваль последняя – что, кстати, этичному кодексу психолога совсем не соответствует, – но вы никогда не думали, что сами себя обманываете? Все эти феминизмы-онанизмы. Все эти движения завирусились ещё к первой четверти XXI века, а мужчины по-прежнему правят миром. К чему мы пришли? Да ни к чему. Может, лучше подстроиться под неизменные мировые устои, вместо этой мастурбации, уж простите? Вы не подумайте. Я такая же феминистка, но слегка в другой плоскости. Я сплю с кем хочу, одеваюсь как хочу и никому не позволяю диктовать мне условия. В общем, живу как хочу. И поверьте, ни один мужчина столько мне не говорил, как должна жить женщина, сколько такие «феминистки», как вы. А за что боремся-то, а?

– Не совсем понимаю, – отвечает психологиня с тем же мерзотным спокойствием. – Ранее вы говорили, что хотите одеваться как «clean girl», но сейчас заверяете меня и сами себя, что вы абсолютно свободны в своём выборе одежды и образа жизни. Скажите, в действительности ли вы считаете свой выбор осознанным?

– Естественно, он осознан. Я ж как-то к нему как-то пришла. Поверьте, в органах не принято ходить в коротеньких юбках.

Психологиня щёлкнула по сенсору пульта, и из окошка проектора засветило рыжим. Нидж обернулась, а белую стену залило проекцией её детской. Той самой, где приглушён свет, на кровати валяется скомканное одеяло, а над её изголовьем развешены плакаты. И почему-то даже здесь начало пахнуть карамелью. Или же всё это – психосоматика.

– Расскажите о ваших родителях, – попросила психологиня.

– Хорошие родители, всем обеспечивали. Вообще, подросткам такое не свойственно, я думаю, но дом был для меня любимым местом. Мать – домохозяйка, а отец – хрен знает, кто, но денег приносил много, да и вообще, знаете, всё было при нём. Внешне хорош, о матери

заботился, да и меня практически не бил. Что ещё от мужчины нужно? Опекал её, как, я не знаю... вау, короче.

– Перебью. Вкус в мужчинах у вас сформировался с упором на образ отца?

– Как и у любой женщины, – процедила Нидж, скрепя зубами. – Я продолжу? Отец учил меня водить на своей старой катафалке. Мать... дома всегда было чисто. Что ещё нужно?

– Ваши взгляды на семейную жизнь весьма консервативны. Сами вы были бы счастливы в таких условиях?

Была у Нидж дурная привычка. Всякий раз, задумываясь, она откидывала спинку стула назад, закидывала ногу на ногу и прятала нижнюю губу за оскаленными зубами. Она выдохнула, выпучила глаза и, действительно, поразмышляла некоторое время.

– Нет, не думаю, – заключила она. – Но при этом, я не знаю, в каких отношениях была бы счастлива. Да, мне нравится в собственных фантазиях быть слабенькой девочкой. Быть за чьей-то спиной, как за каменной стеной... Слушайте, мы о мужчинах говорим или обо мне?! – Психологиня-то её прихоть услышала и переключилась на иную тему, а потом ещё одну, но заканчивались темы, не успев начаться, и так обе они поняли простую, но очень обидную вещь – вся жизнь Нидж крутилась вокруг мужчин, и рассуждать она любила лишь о них, даже когда рассуждения эти были пропитаны нелюбовью к представителям с...ого пола. – А знаете, почему женщины никогда не смогут править миром? То есть, смогут, если современное мироустройство иссякнет, но обе мы знаем, что ни в нашей жизни, ни в жизни наших детей такого не будет. Миром рулит политика, а мы, уж простите, в таких вещах... – и Нидж закатила глаза.

– Вы хотите сказать, что женщинам нет места в политике?

– Именно так! – обрадовалась Нидж, хлопнув в ладоши.

– Давайте поговорим о вашей мизогинии.

– Вы меня не поняли... – в тот же миг огорчилась она. – Поверьте, нам нет места в политике не потому, что мы хуже мужчин. Совсем наоборот. Мы намного, намного их лучше. Что такое политика? Бессмысленные войны, фальсификация выборов, коррупция, а иногда и вовсе торговля людьми... Думаете, женщины способны на такую грязь? Я вас умоляю. А мужчины... большинство из них и глазом не моргнёт, чтобы угробить с десяток жизней.

Кивнув, Психологиня чиркнула в планшет.

Нидж вспомнила, что находится в знакомом месте. Она оглянулась и поняла, что, даже несмотря на абсолютную схожесть с её воспоминаниями, комната, отражаемая линзой проектора, была пропитана фальшью; а значит, всё то, что она помнила, также ценности не имело.

– Нидж, я поняла, с какого ракурса нам будет легче взглянуть на ситуацию, – заявила Психологиня. – Давайте поговорим не о вас, а о вашем коллеге. Объекте-2, кажется. Если помните, прошлый сеанс кончился на том, что вы видите в нём «брата с идентичной судьбой».

– Я что, так сказала?

Психологиня ухмыльнулась и достала с кармана ручку-диктофон, поводила по сенсорному корпусу и, найдя нужную запись, включила, сразу после отмотав до нужного момента. Нидж поняла, что сказала именно это.

– Да вы маньячка...

– Работа такая. В чём же «идентичность» ваших судеб?

– Знаете... – протянула Нидж с явным намерением начать другую тему, как бы убегая от неудобной, – нет во мне никакой мизогинии. Сами подумайте. Я для безымянного мужика, с которым сплю ради информации, не одеваюсь и не крашусь, а остаюсь в больничном халате, – Психологиня, вдруг, вскинула глаза от такого откровения, – а для вас я, вон, разоделась, разукрасилась... хотя вы меня ни капельки не привлекаете. Нет, не подумайте, вы – безумно красивая женщина, и...

– Я поняла.

– Тогда вы понимаете и то, что женщин я уважаю куда сильнее, чем мужчин.

Психологиня ничего не ответила, а взглянула для Нидж, прищулив глаза, будто даже сквозь свои модненькие очки не способна её разглядеть.

– В чём идентичность судеб, Нидж?

– Что ж вы ко мне прикопались... Ладно. Я скажу. Но вы отстанете от меня?

– Я уйду.

– Мы с ним – просто чей-то проект. Довольны? Нет никакого родильного дома и милой детской комнатки, которые вы мне показываете. Это всё было такой же иллюзией. Мои родители были иллюзией, и их любовь – тоже. Хрен бы с любовью! Даже моменты, когда они злились и били меня, были по чьему-то сценарию. И у него всё точно также. Этим мы похожи.

Психологиня улыбнулась. Нидж заметила, что эта подозрительная женщина улыбается лишь тогда, когда застаёт её врасплох. Поправив очки, Её Лечащий Врач встала, взяла проектор за кожаную ручку и удалилась.

14

Агапит приходил в сознание медленно, очень медленно. Но ещё до пробуждения он слышал, как кровь начинает протекать по каждому закоулку его новой плоти, сердце лениво колотиться, лёгкие циклично надуваться-сдуваться, а он сам – сглатывать слюну без помощи трубки. Мозг его был активен на протяжении всей операции, и отделённое на тело сознание пыталось возобновить всё, что успел повидать молодой мертвец. Он вспомнил, как впервые увидел свет – и на том резец проигрывателя застревает в одной из канавок диска. Дальше всё обрывается. Нет тумана, ласково провожающего в иное видение, а только резкий скрип и темнота. Агапит, застыв во мраке на какие-то жалкие секунды, успел сообразить, что детство его закончилось сразу же, как только перерезали пуповину: акушер из железа, микросхем и проводов, с запомнившимся серийным номером на груди, забрал его у матери без ведомых причин и передал властям. Он вспомнил, его дом – лаборатория, а родня – учёные. Развлечения – операции, а досуг – эксперименты. Но сейчас это всё – дом, родня, развлечения и досуг – сохранилось в темноте. А когда сознание заиграло вновь, он увидел демона. И после него темнота уже не заканчивалась.

И этот сон преследовал его каждую ночь, а утром он просыпался с ощущением ацетонового запаха под носом. Спросонья, он вскакивал с кровати, скрип которой счёл за неисправность колёс операционного стола, и испуганно, в поту расхаживал по комнате, уверенный в том, что одет не в пижаму, а голубую накидку. И каждое утро его покрытые налётом губы произносили одно и то же: «Мама».

– Ты опасен для общества, – сказал Агапит своему пленнику, отойдя от кошмара. – Это не мои слова. Доктор просил передать.

– И поэтому?..

– ...и поэтому дальнейшее расследование ты будешь проводить в четырёх стенах, подальше от цивилизации. Как и полагается следователю, кстати.

Слова Агапита только позабавили Марка, и тут же он заметил, что организм больше не гудит. И уже это его разочаровало. Те старые внутренности, что вечно шумят, кричат и скрипят, а оттого, как считал Марк, *живут*, существовали в нём задолго до официального введения в эксплуатацию. Но сейчас, будет он счастлив или опечален, внутренности промолчат. А Марк привык к ним и их мнению и по-другому оценить собственные чувства не умел. Тишина организма в ответ на эмоцию закономерно внушила ему мысль о том, что никакой эмоции не было вообще. И что он – самый обычный робот. *Думай, как душа велит*, – говорит ему голос, обретающий форму. – *Но не вздумай сдаваться. И хватайся за любой шанс*.

Он бегло оглядел комнату и, без лишнего коварства, в открытую набросился на мальчика. Тот в лице ничуть не поменялся, и пока Марк впивался в его жилистую шею, затапливая в простыне, Агапит лишь издевательски зевал – а потом скользнул из хватки и оказался сверху. Сбросив Марка с дивана, он встал и закрепил свою доминирующую позицию пинком по голове. Марк попытался отползти, но когда был настигнут, оказался подвешен лямками штанов на жилистых руках мальчика и вскоре брошен в окно с глухим шлепком.

– Знаешь, очень нехорошо с моей стороны так обращаться с тобой, как с самой дорогой игрушкой правительства, – сказал Агапит. – Но это ведь можно списать на самооборону? Ведь так любят делать в нашей конторке.

– Такие прелести только детишкам начальства, – хихикнул Марк и почувствовал, как глаза его моргают, будто отходящие лампочки. – Ну, а ты у нас кто, а? Дитё ходячего инкубатора.

Глаза Агапита округлились, лицо покраснело. Он замедлил шаг на пути к окну, но шагать стал громко. Как стопа прилипает к полу и отлипает от него, как следующая нога становится

за предыдущую; для Марка это было обратным отсчётом. Агапит хотел было накинуться, но, словно влетев в эпицентр драки и раскинув руки по обе стороны ринга, их успокоил звонок телефона. И следующий, который беспокоил уже только Марка, ведь встряхнул все полушария головы раздражающим сигналом. Древний попсовый мотив перепевала нескладная мелодия, где, вероятно, кто-то бился башкой о рояль. Агапит даже покраснел от стыда и отступил назад. Неловкими, резкими шлепками по комоду он старался отыскать телефон, чтобы прекратить этот девчачий мотивчик. Марк, тем временем, отполз к кровати и уже там сообразил, что скомканное одеяло вибрирует, хотя никакой массажной функции за собой не имеет. Он встал, встряхнул одеяло как следует, и с него вывалилась квадратная раскладушка с циферблатом на корпусе. Марк про себя возмутился – «Агапит не только, как типичный подросток, бросает вещи где попало, но ещё и не в состоянии самостоятельно их отыскать!», – но, сколько не гунди, попсовый мотивчик это не остановит. Они кивнули друг другу; Марк кинул телефон Агапиту, а тот подловил.

– Держишь удар, чемпион! – сыграл Агапит в роли американского отца.

Он остыл, развернулся и вальяжно зашагал по коридору. Марк ткнул пальцем себе в висок, и внешний мир притих.

– Что делаешь?

Марк пощёлкал по антенне, настроив громкость, первоначально ударившую по самым мозгам. Сначала он даже напрягся. Задумался, с каких пор ему звонят девчонки с детскими голосами, но глянул на Агапита, что, на минуточку, тоже подросток, и осознал. «Нашли няньку», – подумал он, посмотрел на присоску у себя на колене, что присобачил Агапит час назад, и ответил Лизе:

– Работаю в условиях домашнего ареста.

– Что?

– Я в плену.

Лиза помолчала какое-то время и устало простонала в трубку, будто потягиваясь.

– Понятно, – отрезала, – а я... ай, неважно. Пока.

И сбросила. Тогда вернулся Агапит, не успел Марк всё обдумать. Он провёл пальцем по телефону, и присоска отвалилась.

– Начальник звонил. На сегодня ты свободен.

Без вопросов Марк встал и прошёлся по комнате с ощущением нестабильной безопасности. Обойдя Агапита стороной, он отвесил ему подзатыльник и получил взамен пинок по железной заднице. Выбора не оставалось: Марк вышел на улицу и улёгся на лавочку. Так проходил час, второй... За это время он то расхаживал вокруг дома, то искал новые места для лежания. Первый час он убил на то, чтобы полежать везде, где нет Агапита. Следующие полчаса он изучал собственное тело. На улице таким заниматься неправильно. Но пока кто-то накидывает пальто на голое тело и занимается прилюдной мастурбацией, Марк вспоминает слова Агапита о новых точках артикуляции и прокручивает свои конечности на все триста шестьдесят. Последние полчаса он провалялся на той же лавке. Ладонью он накрыл голову, потому что улица утомила окончательно, и глаза стали видеть только проблески декоративных огоньков, льющихся с подъездных арок. Вдруг, огоньки прервались. Он бы и рад, да только ощущение от этого было неприятное, будто глаза заткнули пробками и давят на них. Что-то давило на него, даже не касаясь. Он развёл два пальца и оценил обстановку: над ним нависала Лиза.

– Выбрался с плена? – спросила она.

– Чего это мы без охраны? – Марк поднялся.

Действительно, при Лизе была только телескопическая трость, которой она водила по асфальту, пока не врезалась ей в стопу Марка. Отогнав ногой трость, как надоедливую псину, Марк привстал и огляделся по сторонам в недоумении. Ни единого ряда из чёрных джипов с мигалками он не заметил, а на Лизе, между прочим, даже капюшона не было, и Марк никак не

мог понять, почему за ней не увязался никто, даже фотограф из либеральной прессы. Одета она была совершенно по-простому, но *не по-своему*, отчего выдать её могла только всем известная повязка на глазах. Говоря о верхе, на ней был чёрный берет с цепочкой на козырьке и бирюзовый кардиганчик с двумя расстёгнутыми пуговицами внизу. Благодаря этому, были прекрасно видны пряжка её леопардового ремня, затягивающего кожаную юбку, и проколотый пупок. Она выглядела выше, чем обычно, потому что пришла в сапогах на высоком каблуке и оттого еле стояла на ногах.

– Прогуляться одной захотелось, – объяснилась девчонка.

– И прям до меня?

– До Нидж, вообще-то.

– Не ври. Твоих рук дело, что меня отпустили.

– А если и так, то что? – спросила она, обхватив его руку. – Если хочешь – возвращайся.

По привычке, Марк попытался вздохнуть, но система даже желания такого не распознала. Тогда, зашагав вровень с Лизой, он даже обрадовался. Ничего в жизни неспроста, подумал он. Неспроста он стал холериком ровно в те дни, когда нагрянула его реконструкция. Ведь холерик обо всех своих чувствах скажет вслух, их легко будет понять, в отличие от чувств флегматика, который мог ориентироваться лишь на гул в своей груди.